

ТОБОЛЬСКАЯ

ЕПАРХІЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ОБЪ АКМОЛИНСКОЙ И СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТЯХЪ,
ВХОДЯЩИХЪ ВЪ СОСТАВЪ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХІИ.

О М С К Ъ .

Типографія А. К. Демидова.

1892.

ТОБОЛЬСКАЯ

Е П А Р Х И Я.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ОБЪ АКМОЛИНСКОЙ И СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТЯХЪ, ВХОДЯЩИХЪ
ВЪ СОСТАВЪ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХІИ.

О М С К Ъ.

Типографія А. К. Демидова.

1892.

ТОВАРИЩА

ВЪВЕДЕНІЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОТДЕЛЪ ВТОРОЙ

Историко-статистическія свѣдѣнія о торговлѣ въ Россіи

Печ. дозв. Московскій Духовно-Цензурный Комитетъ.

Юля 20 дня 1892 года.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О СОСТАВѢ ТОВАРИЩА

ИЗДАНО

ВЪ МОСКВѢ У ПЕЧАТНИКА

1892

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Свѣдѣнія о народахъ и племенахъ, населявшихъ мѣстность, занимаемую Тобольскою губерніею.

Присоединеніе къ Россіи земель, занимаемыхъ Тобольскою губерніею.

Администрація первобытная и настоящая.

Народонаселеніе Тобольской губерніи въ настоящее время.

Образъ жизни, нравы и обычаи разныхъ племенъ и жителей Тобольской губерніи.

Татары.

Остяки.

Самоѣды.

Вогулы.

Евреи.

Нѣмцы и Финны.

Поляки.

Цыгане.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ОБЪ АКМОЛИНСКОЙ И СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТЯХЪ, ВХОДЯЩИХЪ ВЪ СОСТАВЪ ТОВОЛЬСКОЙ ЕПАРХІИ.

Географическія и топографическія свѣдѣнія.

Акмолинская область. Описаніе поверхности.

Равнины и горы.

Орошеніе. Рѣки: Иртышъ, Ишимъ, Убаганъ, Сары-су, Нура, Чу. Озера.

О климатѣ.

Естественныя произведенія и животныя.

Административное дѣленіе области.

Пространство и народонаселеніе.

Города: Омскъ, Петропавловскъ и Кокчетавъ.

О путяхъ сообщенія: транспортныя дороги и почтовые тракты.

Народонаселеніе Тобольской губерніи въ настоящее время.

Образъ жизни и занятія жителей въ области.

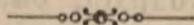
О казакахъ и киргизахъ, населяющихъ Акмолинскую и Семипалатинскую области.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

○

ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

1) Свѣдѣнія о народахъ и племенахъ, населявшихъ мѣстность, занимаемую Тобольскою губерніею.

Переваливъ черезъ Уралъ, русскіе завоеватели Сибири основались въ теперешней Тобольской Епархіи. Небольшому количеству русскихъ пришлось поселиться среди инородцевъ, занимавшихъ эту мѣстность. Эти туземцы, владѣвшіе Сибирью, были тѣ же самые, которыхъ мы встрѣчаемъ и нынѣ въ Тобольской Епархіи, только, конечно, гораздо въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ настоящее время. Здѣсь жили—на сѣверѣ вогулы, остяки и самоѣды, а въ средней и южной части теперешней Епархіи—татары, главное и господствующее тогда племя. Всѣ эти племена, вѣроятно, явились съ юга Азіи и двигались постепенно на сѣверъ вслѣдствіе различныхъ историческихъ и даже иногда, вѣроятно, экономическихъ условій своей жизни. Объ исторической жизни этихъ племенъ, особенно жившихъ на сѣверѣ, извѣстно очень немного. Саги (народныя преданія) и отчасти исторія свидѣтельствуютъ, что дикія племена Сибири вели кровавыя войны между собою. На тѣхъ самыхъ поляхъ, гдѣ послѣ приволжскій казакъ Ер-

макъ одержалъ блестящія свои побѣды, часто лежали рядомъ кости остяковъ и вогуловъ, вмѣстѣ съ костями ихъ сосѣдей, самоѣдовъ и татаръ. Борьба эта, главнымъ образомъ, происходила, вѣроятно, оттого, что у дикихъ народовъ существовалъ обычай, чтобы женъ себѣ брать не изъ своего собственнаго, но изъ другого, чуждаго, не родственнаго племени. Пѣсни самоѣдовъ, остяковъ и другихъ племенъ воспоминаютъ о герояхъ, которые воевали единственно изъ — за того, чтобы пріобрѣсти руку и сердце молодой женщины. Въ борьбѣ племенъ въ Сибирской низменности неминуемо происходило смѣшеніе народовъ и развитіе новыхъ племенныхъ разновидностей ¹⁾. Иностранцы, занимающіе въ настоящее время сѣверъ Тобольской Епархіи, были извѣстны русскому населенію издавна и задолго до полного покоренія Сибири Ермакомъ. Дѣло въ томъ, что пермяки, вогулы и самоѣды издавна производили между собою торгъ, а зыряне ѣздили въ самую Югорскую землю за мягкою рухлядью. Послѣ присоединенія Пермїи къ московскому государству, правительство, отстаивая интересы новыхъ подданныхъ, а, можетъ быть, и съ чисто фискальными цѣлями, искало поводовъ къ войнѣ съ вогуличами, и въ 1499 году противъ нихъ отправлено было въ Югорію сильное войско подъ начальствомъ воеводъ, князей Семена Курбскаго и Петра Ушатаго. Черезъ два года состоялся новый походъ подъ начальствомъ тѣхъ же воеводъ съ вологжанами, двинянами и пинежанами. Войско дошло до Ляпина городка, въ которомъ было встрѣчено югорскими князьями, прибывшими съ Обдора на оленяхъ для изъявленія добровольной покорности ²⁾.

До покоренія Сибири и распространенія здѣсь славяно-русскаго племени замѣтный перевѣсъ среди другихъ племенъ одерживало племя татарское, благодаря своему физическому и умственному преиму-

¹⁾ Отечествовъденіе. Составилъ Д. Семеновъ. т. IV изд. 2-е стр. 5.

²⁾ Исторія Сибири. В. К. Андріевича ч. 1-я стр. 1—2.

ществу ¹⁾ и своимъ воинственнымъ наклонностямъ. Племя татарское одержало верхъ не только надъ многими малолюдными финскими племенами, но и надъ значительною частію монгольскаго племени, и, такимъ образомъ, до появленія русскаго народа приняло на себя главную роль въ смѣшеніи и образованіи русскихъ народцевъ. Одинъ изъ потомковъ Чингизъ-хана, Шейбани, основалъ около середины XIII ст. въ нынѣшней киргизской степи независимое ханство Туранское, которое скоро увеличилось съ сѣвера новыми завоеваніями. Первая резиденція Шейбани находилась на берегу Туры, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ городъ Тюмень, и въ честь великаго хана монголовъ называлась Чингинъ. Впослѣдствіи городъ этотъ былъ покинутъ, и ханы перенесли свое мѣстопробываніе на восточный берегъ Иртыша, гдѣ, вблизи нынѣшняго Тобольска, основанъ былъ городъ Искеръ, получившій потомъ названіе Сибири, названіе, которое позже перешло и на всю огромную страну, называемую нынче этимъ именемъ. Монголо-татарское царство это продержалось вплоть до XVI ст., когда пришли сюда русскіе завоеватели. Послѣднимъ ханомъ былъ Кучумъ, потомокъ Чингизъ-хана. Онъ первый ввелъ исламъ въ Сибирь, стараясь распространить его всеми возможными мѣрами; но тутъ, на пути своемъ онъ встрѣтился съ русскими, которые, начиная особенно съ 1555 г., стали подчинять своей власти сибирскія племена.

Когда при Іоаниѣ IV была покорена Казань (1552 г.) и Астрахань (1554 г.), и далеко разнеслась молва о могуществѣ московскаго царя, то въ 1555 г. сибирскій ханъ обратился къ его покровительству съ просьбою о помощи противъ своихъ враговъ и съ обязательствомъ платить дань по 30,700 соболей. Но впослѣдствіи сибирскіе князья то соглашались платить ее, то от-

¹⁾ Съ принятіемъ татарами мусульманства среди ихъ стала распространяться и грамотность.

казывались, надѣясь на безнаказанность вслѣдствіе отдаленности ихъ владѣній отъ областей Московскихъ. Такъ, послѣдній ханъ Кучумъ, вмѣсто того, чтобы платить Іоанну дань, убилъ даже Московскаго посла ¹⁾. Съ этимъ-то Кучумомъ и пришлось вести войну покорителю Сибири Ермаку Тимофеевичу.

2) *Присоединеніе къ Россіи земель, занимаемыхъ Тобольскою губерніею. Администрація первобытная и настоящая.*

Великая Пермія, или приуральская часть нынѣшней Пермской губерніи уже въ началѣ XVI в. стала заселяться русскими. Безконечныя поля, никому не принадлежавшія и никѣмъ не занятыя, черныя лѣса и дремучія дебри, богатая дичью и пушнымъ звѣремъ, судоходныя и рыбныя рѣки, обиліе соли въ разныхъ мѣстахъ, — все это рано привлекало сюда русскихъ переселенцевъ, которымъ не сидѣлось дома или трудно было прокормиться на своей землѣ. Къ числу такихъ переселенцевъ можно отнести и купцовъ Строгоновыхъ, братьевъ Якова и Григорія.

Григорій Строгоновъ выпросилъ у царя позволеніе занять пустопорожнія мѣста по сѣверному берегу Камы, между Чердынью и Чусовою; чтобы искать здѣсь разсолъ, варить соль и вмѣстѣ съ тѣмъ оберегать край отъ ногайцевъ и другихъ инородцевъ зауралья. Особою грамотою (4 Апр. 1558 г.) царь Іоаннъ пожаловалъ ему эту землю. Строгоновы должны были „въ крѣпкомъ и осторожномъ мѣстѣ городокъ поставить,“ завести для обороны пушки, пищали, пушкарей и пищальниковъ.

Новая земля стала заселяться. Шли сюда, конечно, люди бродомыя и бродячіе. Черезъ Строгоновыхъ же царь сталъ получать подробныя свѣдѣнія о зауральскомъ краѣ, особенно когда имъ при-

¹⁾ Отечествовѣденіе т. IV стр. 5, 6 и 7.

шлось оборонять заселяемый край отъ остяковъ, вогуловъ и др. инородцевъ. Можетъ быть, тогда появилась у царя и мысль овладѣть сибирскимъ царствомъ. По крайней мѣрѣ, изъ грамоты 1574 года видно, что Іоаннъ IV радъ былъ распространить предѣлы своего царства до Тобола и основать русскія поселенія вблизи владѣній сибирскаго хана. Для обороны Строгоновымъ дозволено было набирать охочихъ казаковъ, ходить войною за Уралъ и селиться, а также ставить крѣпости, гдѣ имъ угодно „и на Тоболѣ, и на Иртышѣ, и на великой Обѣ, и на иныхъ рѣкахъ.“¹⁾ Выдача Строгоновымъ подобной грамоты была вызвана слѣдующими обстоятельствами.

Въ 1573 году сибирскій царевичъ Маметкулъ приходилъ съ войскомъ на р. Чусовую провѣдывать дороги, какъ бы ему пробраться къ Строгоновскимъ городкамъ и въ Пермь Великую; при чемъ побилъ много остяковъ, московскихъ данниковъ, полонилъ ихъ женъ и дѣтей и убилъ государева посланника, шедшаго въ Киргизь-Кайсацкую орду. И только не доходя пяти верстъ до Строгоновскихъ городковъ, Маметкулъ возвратился назадъ, напуганный разказами плѣнниковъ, что въ городкахъ этихъ собралось много ратныхъ людей. Строгоновы, увѣдомивъ царя объ этомъ нападении, били челомъ, что они своихъ наемныхъ казаковъ безъ царскаго вѣдома посылать не смѣютъ, между тѣмъ, какъ зауральскіе остяки просятъ, чтобы государь оборонялъ ихъ отъ сибирскаго салтана, а они будутъ платить дань въ Москву; для этого бы государь пожаловалъ ихъ, Якова и Григорія Строгоновыхъ, — позволилъ по рѣкѣ Тоболу и по рѣкамъ впадающимъ въ Тоболъ, до вершинъ ихъ, крѣпости дѣлать, сторожей нанимать и огненный нарядъ держать на свой счетъ, желѣзо выработывать, пашни пахать и угодьями владѣть. Разумѣется, предложеніе перенести русскія владѣнія за Уралъ, приобрести тамъ новыхъ данниковъ и

¹⁾ Завоеваніе царства сибирскаго. Галактіоновъ стр. 1—3.

оборонять ихъ безъ всякихъ издержекъ и хлопотъ со стороны правительства — не могло не понравиться Іоанну IV и онъ далъ Строгоновымъ въ 1574 г. вышеупомянутую льготную грамоту. Но теперь Строгоновымъ приходилось уже вести войну не только оборонительную, но и наступательную — посылать войско противъ сибирскаго царя, брать сибирцевъ въ плѣнъ и въ дань ихъ приводить за царя. Надобно было новыя земли очистить отъ сибирскаго царя, который считалъ ихъ своею собственностію. Строгоновы обязывались вести войну на свой счетъ; слѣдовательно, должны были имѣть свое войско: изъ кого же они могли составить его? На охочихъ инородцевъ — остяковъ, вогуловъ, самоѣдовъ — была плохая надежда. Строгоновы нуждались въ такихъ передовыхъ людяхъ колонизаціи, которые вовсе не имѣютъ мирнаго промышленнаго характера, — словомъ, нуждались въ отважныхъ и предпріимчивыхъ людяхъ — казакахъ.

Поэтому одна шайка донскихъ казаковъ, разбойничавшихъ на Волгѣ, получила приглашеніе отъ Строгоновыхъ поступить къ нимъ на службу. Во главѣ явившихся казаковъ стоялъ Ермакъ Тимоѣевичъ. Время съ 1579 г. по 1581 г. донскіе казаки провели въ имѣніяхъ Строгоновыхъ, которымъ они помогали защищать ихъ городки отъ нападенія вогуловъ. Послѣ пораженія этихъ послѣднихъ, Строгоновы рѣшились отпустить казаковъ, Ермака съ товарищами, за Уральскія горы, куда ихъ влекла заманчивая надежда завладѣть царствомъ соболей. По словамъ лѣтописца, весь отрядъ Ермака состоялъ только изъ 840 чел., въ числѣ которыхъ были находившіеся въ Строгоновскихъ городкахъ плѣнные литовцы и нѣмцы, а также татары и русскіе, всего 300 человекъ. Горсть отважныхъ людей, стрѣляя огнемъ, побѣждала цѣлыя тысячи дикарей, вооруженныхъ лишь стрѣлами и копьями. Каждый богатырь Ермаковъ шель на толпу непріятелей и смертною пулею убивалъ одного, а страшнымъ звукомъ пищали своей многихъ разгонялъ.

Казаки отправились въ Сибирь 1 Сентября 1581 года. Сначала они шли четыре дня вверхъ по р. Чусовой до устья р. Серебряной; потомъ плыли два дня по Серебряной до Сибирской дороги. Здѣсь высадились и поставили земляной городокъ; съ этого мѣста шли волокомъ до р. Жаровли, выплыли въ р. Туру, гдѣ начиналась Сибирская страна. Плыя внизъ по Турѣ, казаки по-воевали много татарскихъ городковъ и улусовъ. Въ числѣ плѣнныхъ татаръ схватили одного изъ приближенныхъ Кучума, который и разсказалъ о своемъ ханѣ. Ермакъ отпустилъ этого плѣнника къ Кучуму, чтобы онъ разсказами о казакахъ напугалъ его. Эти разсказы дѣйствительно нагнали на Кучума печаль и раздумье. Однако онъ рѣшился твердо бороться съ русскими: собралъ войско, выслалъ съ нимъ своего родственника Маметкула встрѣтить казаковъ, а самъ укрѣпился подлѣ Иртыша, на Чувашской горѣ. Маметкулъ встрѣтилъ Ермака на берегу р. Тобола и былъ разбитъ. Потомъ казаки еще два раза разбили непріятельское войско близъ Иртыша. Сибирскіе защитники съ своей стороны также показали неустрашимость, смѣлость и отвагу. Но тщетны были ихъ усилія. Казаки взяли ихъ городъ Атикъ-Мурзы и здѣсь провели всю ночь, не смыкая глазъ, опасаясь нападенія. На другой день должна была рѣшиться ихъ участь: предстояла еще одна рѣшительная битва; надобно было вытѣснить Кучума изъ его засады. На разсвѣтѣ 23 Октября казаки вышли изъ городка и начали подступать къ Кучуму. Послѣ упорнаго рукопашнаго боя казаки побѣдили; царевичъ Маметкулъ былъ раненъ; остяцкіе князья, видя неудачу, бросили Кучума и разошлись по своимъ мѣстамъ. Тогда и самъ ханъ оставилъ свое укрѣпленіе, прибѣжалъ въ свой городъ Сибирь, забралъ здѣсь сколько могъ пожитковъ и бѣжалъ дальше. 26 Октября казаки вошли въ Искеръ, или Сибирь. Городъ былъ пустъ. Овладѣвъ царствомъ, казаки еще не видѣли въ немъ людей; имѣя золото и соболей, не имѣли пищи. Но черезъ четыре дня явились къ нимъ остяки съ своимъ княземъ, съ да-

рами и запасами. Потомъ стали приходять татары съ женами и дѣтьми и стали селиться въ прежнихъ своихъ юртахъ. Послѣ этихъ неудачъ Маметкуль еще два раза пытался бороться съ казачками, но смѣлость и смышленность этихъ послѣднихъ восторжествовали: царевичъ былъ взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ Москву. Въ какой-нибудь одинъ годъ Ермакъ утвердилъ было уже свое господство по рр. Иртышу и Оби. Но силы казаковъ совсѣмъ ослабли. Для удержанія въ своихъ рукахъ покоренныхъ народцевъ нужны были свѣжія подкрѣпленія. Ермакъ извѣстилъ о своихъ побѣдахъ Строгоновыхъ и отправилъ одного изъ лучшихъ своихъ сподвижниковъ, Ивана Кольцо, къ царю съ повинною — „бить челомъ Іоанну царствомъ Сибирскимъ, драгоцѣнными соболями, черными лисицами и бобрами“ и молить государя о забвеніи ихъ прежнихъ преступленій. Іоаннъ принялъ Ермаковыхъ пословъ ласково и отправилъ въ Сибирь отрядъ стрѣльцовъ съ чиновниками. Хотя эта помощь въ сущности была незначительна, хотя дикари и еще разъ возстали, и Ермакъ, по преданію лѣтописи, погибъ въ борьбѣ съ ними въ 1584 г., какъ истинный герой, въ волнахъ Иртыша, а Кучумъ послѣ этого еще разъ вздохнулъ свободнѣе въ родной своей столицѣ Искеръ: но это уже было въ послѣдній разъ, и участь Сибири скоро рѣшилась уже окончательно.¹⁾

По смерти Ермака, съ 1585 г. мѣстность, занимаемая нынѣ Тобольскою Епархіею въ гражданскомъ отношеніи управлялась воеводами²⁾, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были и военачальниками. Лица, занимавшіе воеводскую должность, носили титулъ князей, бояръ и стольниковъ и имѣли при себѣ еще товарища; власть ихъ была обширна, какъ въ административномъ, такъ и судебномъ от-

¹⁾ Отечественнѣдніе т. IV, стр. 8—12.

²⁾ Объ административномъ устройствѣ Тобольской губерніи съ прежняго времени до настоящаго заимствовано изъ «Памятной книжки Тобольской губерніи на 1884 годъ» стр. 68—71 и «Тобольская губернія наканунѣ 300-лѣтней годовщины»... стр. 72—73 по 2 изд.

ношеніяхъ. Имъ предоставлено было право посылать отъ своего имени посольства къ сопредѣльнымъ съ Сибирью владѣтельнымъ лицамъ, а также и принимать таковыя.

Тобольскъ, по завоеваніи Сибири, долгое время считался столицнымъ городомъ Сибирскаго царства; сначала, вѣроятно, потому, что, замѣнивъ собою татарскую столицу Искеръ, онъ сдѣлался резиденціею воеводъ, имѣвшихъ въ рукахъ своихъ почти царскую власть. Впослѣдствіи же имя столицы удержалось за нимъ по случаю учрежденія здѣсь архіерейской кафедръ, называвшейся святительскимъ престоломъ, а еще болѣе названіе это сохранилось за Тобольскомъ со времени учрежденія въ немъ намѣстничества, когда въ намѣстническомъ дворцѣ поставленъ былъ Императорскій тронъ.

Воеводское управленіе продолжалось до 1708 года: причемъ, со времени основанія городовъ, каждый городъ съ причисленными къ нему волостями имѣлъ особое воеводское управленіе. Воеводства раздѣлялись на областныя, среднія и малыя. Въ областныя и среднія воеводства назначались воеводы изъ Сибирскаго Приказа, находившагося въ Москвѣ, а въ малыя — высылались воеводы отъ областныхъ воеводствъ. Не смотря на рангъ и другія преимущества, воеводы были независимы другъ отъ друга. Всякое воеводство, даже малое, имѣло непосредственныя сношенія съ Сибирскимъ Приказомъ и отправляло ясакъ въ Москву прямо отъ себя, хотя указомъ Бориса Годунова въ 1599 г. было воспрещено воеводамъ сноситься съ Приказомъ помимо Тобольска. Эта разрозненность въ управленіи и была причиною разнаго рода злоупотребленій. Корыстолюбіе воеводъ выходило иногда изъ всякихъ границъ и вызывало даже возмущеніе инородцевъ. Не всѣ воеводы отличались и нравственностію; въ этомъ отношеніи громкою, но печальною, извѣстностію пользовался товарищъ Тобольскаго воеводы Михайль Приклонскій, отлученный отъ церкви митр. сибирскимъ Павломъ.

По указу Императора Петра I отъ 18 Декабря 1708 г. вся Россія раздѣлена была на губерніи, а потому и Тобольское воеводство получило названіе Сибирской губерніи, въ составъ которой вошли не только всѣ земли, лежавшія по восточному склону Уральскаго хребта, но нѣкоторые города нынѣшней Пермской и Вятской губерній. Въ 1719 г. Сибирская губернія была раздѣлена на пять провинцій: Тобольскую, Енисейскую, Иркутскую, Вятскую и Соликамскую, которыя состояли въ вѣдѣніи одного губернатора. Въ 1736 году по обширности Сибирской губерніи и неудобству управленія ею однимъ губернаторомъ повелѣно было раздѣлить ее на двѣ части. Въ 1782 г. открыто два намѣстничества: Тобольское и Иркутское. Въ 1803 г. округа губерніи раздѣлены были на комиссарства, причемъ комиссары обязаны были отвѣтственностію за благосостояніе ввѣренныхъ имъ волостей; при разборѣ маловажныхъ тяжбъ и споровъ должны были замѣнять собою присутствіе земскаго суда; въ важныхъ же дѣлахъ относиться къ суду, пребывающему въ городѣ. Въ 1804 г. Тобольская губернія раздѣлена на двѣ губерніи: Тобольскую и Томскую. Первая изъ нихъ составлена изъ округовъ: Тобольскаго, Туринскаго, Тюменскаго, Ялуторовскаго, Курганскаго, Ишимскаго, Тарскаго, Омскаго и Березовскаго. Въ 1822 г. учреждены два генераль-губернаторства—Западное и Восточное, и Тобольская губернія причислена была къ первому.

Въ настоящее время Тобольская губернія состоитъ подъ непосредственнымъ управленіемъ губернатора, за исключеніемъ Тобольска, гдѣ для завѣдыванія въ полицейскомъ отношеніи собственно городомъ находится Городовое Полицейское Управление, состоящее изъ частныхъ слѣдственныхъ приставовъ и полицейскихъ надзирателей подъ предсѣдательствомъ полиціймейстера; прочія города съ округами ихъ состоятъ въ вѣдѣніи Окружныхъ Полицейскихъ Управленій, состоящихъ подъ предсѣдательствомъ окружныхъ исправниковъ. Въ помощь же имъ назначены въ горо-

дахъ помощники съ полицейскими надзирателями, а въ болѣе многочисленныхъ, какъ, напр., въ Тюмени—и слѣдственные пристава, въ округахъ же—участковые засѣдатели. Исключеніе въ этомъ случаѣ представляетъ только г. Сургутъ, гдѣ по малонаселенности не существуетъ ни приставовъ, ни надзирателей, ни участковыхъ засѣдателей, а есть только одно окружное полицейское управленіе, состоящее изъ исправника, помощника его и секретаря.

Въ Tobольскѣ находятся слѣдующія губернска, административныя и судебныя учрежденія: Общее Губернское Управленіе, Губернское Правленіе, Губернское по воинской повинности Присутствіе, Губернское по городскимъ дѣламъ Присутствіе, Губернскій Статистическій Комитетъ, Казенная Палата съ Губернскою Чертежною, Губернское Казначейство, Губернскій Судъ, Врачебная Управа, Приказъ Общественнаго Призрѣнія, Строительная Комиссія, Канцелярія Губернскаго Прокурора, Губернская почтовая Контора, Губернское Воинское и Жандармское Управленіе, Дирекція Училищъ, Духовная Консисторія и всѣ учрежденія свойственныя окружнымъ городамъ, какъ то: Окружное Полицейское Управленіе, Окружный Судъ, Окружное Акцизное Управленіе и Городская Дума. Сверхъ того въ окружныхъ городахъ находятся окружныя по воинской повинности присутствія и окружныя казначейства, а въ нѣкоторыхъ, какъ, напр., въ Тюмени и Курганѣ—и окружныя акцизныя управленія. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляютъ города—Березовъ и Сургутъ, гдѣ, вслѣдствіе изыятія мѣстнаго населенія отъ воинской повинности, присутствій по этому предмету не существуетъ; въ Сургутѣ при малочисленности населенія въ городѣ и округѣ не существуетъ ни казначейства, ни судебныхъ учреждений; судебныя дѣла этой мѣстности поступаютъ на разсмотрѣніе въ Tobольскій Окружный Судъ, а ясачныя и другія суммы, до сдачи ихъ по принадлежности, или до израсходованія на законномъ основаніи, находятся въ вѣдѣніи окружнаго исправника; городское же хозяйство состоитъ въ вѣдѣніи

мѣщанскаго старосты. Города губерніи раздѣляются на полицейскіе участки и волости, состоящіе подъ управленіемъ участковыхъ засѣдателей и волостныхъ правленій или инородныхъ управъ.

3) *Народонаселеніе Тобольской губерніи въ настоящее время.*

Завоевавъ Сибирь, русское правительство стало озабочиваться о заселеніи вновь пріобрѣтенныхъ земель, о снабженіи этого края землянами, ямщиками, плотниками, священниками, монашествомъ, воинскими людьми и казаками. Въ сословіе послѣднихъ, такъ называемыхъ, городовыхъ, вошли и татары юртовскіе и волостные, малороссы, плѣнные литовцы, поляки и нѣмцы. Самые земледѣльцы были иногда зачисляемы въ казаки черномѣстные; татары же верстались въ сословіе служилыхъ людей, но только изъ числа такихъ, отъ которыхъ нельзя было ожидать измѣны. Кромѣ того, молва о богатствахъ Сибири, отмѣна Юрьева дня, любовь къ бродяжничеству, погоня за наживою, — все это на первыхъ порахъ благопріятствовало заселенію Сибири. Толпа всякаго гулящаго народа и промышленныхъ людей, особенно изъ Перми, Вятки, Вологды, Устюга Великаго и вообще изъ сѣверныхъ мѣстностей, гдѣ жить было тяжело, — все это бросилось въ Сибирь. Затѣмъ, край этотъ является уже мѣстомъ ссылки лицъ, для которыхъ не представлялось другого, болѣе безопаснаго мѣста для водворенія, или которыя уже не могли быть терпимы во внутренней Россіи ¹⁾. Эти выходцы — вольные и невольные — положили начало русскому населенію въ Сибири, потомки которыхъ въ настоящее время расселились уже всюду. Наплывъ подобныхъ людей въ Сибирь не прекращается и доселѣ. Въ частности по имѣющимся послѣднимъ

¹⁾ Тоб. губернія наканунѣ 300-лѣтней годовщины... стр. 10—11.

свѣдѣніямъ за 1889 годъ (Календарь Тобольской губерніи на 1891 годъ) въ Тобольской губерніи осѣло въ годъ ссыльныхъ обоюго пола съ ихъ семействами болѣе четырехъ тысячъ человѣкъ, а вольныхъ переселенцевъ за тотъ же годъ прибыло болѣе тысячи человѣкъ.

До настоящаго же времени влачатъ свое, но уже жалкое, существованіе и инородческія племена-туземцы прежней Сибири до завоеванія ея русскими. Количество ихъ постепенно уменьшается и они осуждены, кажется, въ будущемъ на совершенное исчезновеніе съ лица земли, подобно многимъ исчезнувшимъ инородцамъ Европейской Россіи. Болѣе многочисленнымъ племенемъ можетъ считаться еще татарское, которое составляетъ 4⁰/₀ всего населенія губерніи, а потомъ слѣдуютъ уже остяки, самоѣды и вогулы—все-го 1⁰/₀ съ небольшимъ. Кромѣ русскаго населенія, составляющаго въ Тобольской Епархіи болѣе 90⁰/₀ всего едва не полуторамилліоннаго населенія, здѣсь поселились въ небольшомъ количествѣ пришельцы изъ Евр. Россіи—поляки (0,60⁰/₀), нѣмцы и финны (0,38⁰/₀), евреи (0,16⁰/₀) и цыгане (0,10⁰/₀).

4) *Образъ жизни, нравы и обычаи разныхъ племенъ и жителей Тобольской губерніи* ¹⁾.

Русское коренное сибирское населеніе мало чѣмъ отличается отъ своихъ сородичей Евр. Россіи, живя развѣ только безпечнѣе и зажиточнѣе своихъ прежнихъ собратьевъ. Русскіе переселенцы болѣе поздняго времени сохраняютъ привычки и обычаи той мѣстности, изъ которой они явились въ Сибирь. По вѣрѣ главная масса русскаго населенія (болѣе милліона) принадлежитъ къ пра-

¹⁾ При составленіи всего этого отдѣла пособіями для насъ служили: Памятная книжка Тобольской губерніи на 1884 годъ, Тобольская губернія наканунѣ 300-лѣтней годовщины завоеванія Сибири, Отечествосвѣдѣніе т. IV Д. Семенова, «Природа и Люди»—журналъ за 1879 годъ и «Край крещенаго свѣта» С. Максимова.

вославному вѣроисповѣданію, нѣсколько тысячъ есть раскольниковъ и единовѣрцевъ. Среди инородцевъ есть язычники и магометане.

Мы остановимся подробнѣе на населеніи инородческомъ, сохраняющемъ еще много своихъ прежнихъ обычаевъ и даже религію.

а) Татары.

Татары, составляя $\frac{2}{3}$ всего инородческаго населенія Тобольской губерніи, расселились преимущественно въ округахъ Тобольскомъ, Тюменскомъ, Ялуторовскомъ, Курганскомъ, Ишимскомъ, Тарскомъ и Тюкалинскомъ. Время ихъ населенія здѣсь неизвѣстно. Мы уже видѣли, что русскіе, появившись въ Сибири, застали приблизительно на этихъ же мѣстахъ татарское царство, съ которымъ и пришлось вести войну. Полагаютъ, что здѣшніе татары — остатки грозной орды Чингизь-Хана, завоевавшего въ свое время едва не всю Азію. Въ настоящее время татары встрѣчаются по всеѣмъ губерніямъ сибирскимъ, но главнымъ образомъ они поселились въ Тобольской и Томской, живя во многомъ сходною между собою жизнію и отличаясь въ то же время вслѣдствіе различныхъ условій исторической жизни отъ своихъ многочисленныхъ сородичей Евр. Россіи.

Большинство сибирскихъ татаръ исповѣдуютъ магометанскую вѣру суннитскаго толка. Магометанство въ Сибири распространено было еще Кучумомъ, позднѣе оно поддерживалось главнымъ образомъ изъ Бухары, гдѣ и тогда уже, во времена Кучума, былъ центръ мусульманской образованности. Главными проводниками исламизма въ жизнь татарскихъ племенъ въ Сибири, какъ и вездѣ, были школы, устраиваемыя при каждой мечети, гдѣ улемы и муллы были народными учителями. Сибирскіе татары, потомки когда то воинственныхъ сподвижниковъ Кучума, въ настоящее время далеко не отличаются прежнею бойкостію и смиренно живутъ въ своихъ деревушкахъ. Тѣлосложенія они крѣпкаго, лицомъ смуг-

лы и сухощавы, роста средняго, походка ихъ медленная, неровная, колеблющаяся, станъ прямой, части тѣла довольно пропорціональныя. Господствующій цвѣтъ волосъ въ бородѣ, усахъ, бровяхъ и на головѣ—черный. Глаза каріе, почти черные, продолговатые; носъ прямой, довольно широкой; брови густыя, дугообразныя; губы толстыя; зубы чрезвычайно бѣлые; лобъ низкій, прямой, лицо круглое. Вообще наружность мужчинъ довольно красива. У барабинскихъ татаръ и у племенъ, обитающихъ еще восточнѣе, лицо имѣетъ болѣе монгольское очертаніе, выражающееся главнымъ образомъ въ узкомъ разрѣзѣ глазъ, въ сильномъ развитіи скулъ, въ рѣдкости волосъ на бородѣ и усахъ и въ сутуловатости.

Крещеные татары носятъ длинные волосы, подстриженные въ кружокъ. Между ними есть немало мужчинъ съ совершенно русскою фізіономіею, но отлично говорящихъ по-татарски. Это вполне обрусѣвшіе татары, перечислившіеся въ крестьяне.

Физиономія татарскихъ женщинъ также вообще красива. Черты лица у нихъ довольно правильныя и пріятныя; цвѣтъ лица гораздо бѣлѣе, чѣмъ у мужчинъ. Волосы совершенно темнаго цвѣта и довольно длинныя; формы тѣла округлыя, мягкія, оконечности пропорціональныя, гибкія; плечи нѣсколько отброшенныя назадъ, а животъ—выдающійся впередъ.

Одежда мужчинъ состоитъ изъ бешмета, сшитаго изъ нанки или тика, а у богатыхъ изъ парчи; бешметы нерѣдко оторачиваются бобромъ, котикомъ или мерлушкою и застегиваются на пуговицы, преимущественно стеклянныя. Шаровары короткія и широкія запускаются въ сапоги. Сверхъ бешмета надѣвается часто халать, а зимою—шуба изъ лисицы или овчины, крытая сукномъ или другою матеріею, смотря по состоянію. Обувь составляютъ чулки и ичиги, родъ мягкихъ сапоговъ изъ козьей кожи, и калоши съ низкими боками и высокими запятками. На бритую голову татары надѣваютъ аракинъ, или ермолку, а сверхъ его лѣтомъ носятъ суконныя съ околышемъ шапки, зимою же мѣховыя изъ

жерлушекъ или лисьи. Нѣкоторые носятъ лѣтомъ войлочные или поярковые бѣлаго цвѣта колпаки съ поднятою кверху заднею частию, образующею родъ козырька. Чалма бѣлаго или зеленого цвѣта въ употребленіи преимущественно только у лицъ духовнаго званія. Женщины на длинную рубаху и широкія шаровары, подвязанныя подъ колѣнами, надѣваютъ еще куртку, или широкую рубаху съ длиннымъ во всю грудь разрѣзомъ напереди и стоячимъ воротникомъ пальца $2\frac{1}{2}$ шириною. Куртка дѣлается изъ шелковой матеріи, ситца, китайки или выбойки, всегда пестрыхъ узоровъ; воротникъ, положенный на картонъ, у праздничной одежды вышивается золотомъ или серебромъ и украшается блестками или бусами, имѣющими подобіе жемчуга. Поверхъ куртки носятъ халаты, отличающіеся отъ мужскихъ только длиною рукавовъ; зимою же они оторачиваются мѣхомъ. Шапки одинаковы и лѣтомъ и зимою; верхъ дѣлается изъ краснаго сукна, а околышъ изъ какого нибудь мѣха. Молодыя дѣвицы еще носятъ родъ колпаковъ (калябашъ) пестраго цвѣта, иногда отдѣланныхъ позументомъ и опушенныхъ мѣхомъ; замужнія же женщины покрываютъ головы большими платками съ откидными назадъ концами. Волосы заплетаются у нихъ только на двѣ косы, а у дѣвицъ на нѣсколько; на концахъ косъ навѣшиваются металлическія украшенія, состоящія изъ монетъ и жетоновъ. Въ ушахъ татарки носятъ серьги, на шеѣ — ожерелья, а на рукахъ — браслеты. Нѣкоторыя изъ зажиточныхъ татарскихъ женщинъ бѣлятъ, румянятся, чернятъ зубы и красятъ ногти; обувь же ихъ не отличается отъ мужской.

По праву, характеру и способностямъ сибирскіе татары — мусульмане ни чѣмъ не отличаются отъ нашихъ волжскихъ татаръ. Крещеные же сибирскіе татары и язычники по характеру гораздо простодушнѣе своихъ мусульманскихъ единоплеменниковъ; они до вѣрчивы, кротки и честны. Хотя умственные способности татаръ и не развиты, но во всякомъ случаѣ по природѣ это очень умное племя. Сверхъ того, они апатичны; въ нихъ упорно еще держатъ

ся многіе восточныя нравы. Сибирскіе крестьяне говорятъ, что татары хорошіе работники, лучше русскихъ, но лѣнны. День, два проработаетъ хорошо, а на третій никуда не годенъ. Это происходитъ, можетъ быть, и оттого, что они безильябе русскихъ и скоро утомляются. Всѣ занятія по части вообще домашняго хозяйства у сибирскихъ татаръ лежатъ исключительно на женщинахъ. Лѣтомъ дѣятельность ихъ простирается и за предѣлы избы. Во время полевыхъ работъ только старухи да маленькія дѣти остаются дома. Все остальное татарское населеніе цѣлые дни работаетъ въ полѣ—на сѣнокосѣ или на пашиѣ. Сравнительно болѣе занимаются хлѣбопашествомъ татары Ишимскаго, Ялutorовскаго и Курганскаго округовъ. Большую отрасль промышленности татаръ, особенно въ южной полосѣ Западной Сибири, составляетъ скотоводство. Разводимый ими скотъ—преимущественно лошади, коровы, овцы и изрѣдка козы,—большую частію не крупный, но крѣпкаго сложенія. Извозъ также составляетъ одно изъ любимыхъ занятій татаръ. Рѣдкій изъ живущихъ по большимъ трактамъ не занимается извозомъ, поверстно отъ одной станціи до другой, а также подряжались на перевозку казенныхъ и частныхъ, купеческихъ кладей. Болѣе бѣдные татары нанимаются къ другимъ зажиточнымъ извозчикамъ и за извѣстную плату гоняютъ ихъ тройки. Живущіе при рѣкахъ и озерахъ татары занимаются также рыбною ловлею, а татары Тобольскаго и Ялutorовскаго округовъ, между прочимъ, промышленяютъ ловлею пѣвковъ. Для нѣкоторыхъ бѣдняковъ—это единственный источникъ дохода.

Деревни сибирскихъ татаръ, примѣнительно къ положенію о крестьянствѣ, дѣлятся на волости (улусы), во главѣ которыхъ стоятъ „князья“ или „баншыки“ (старшины). Эти татарскія волости обыкновенно не многолюдны. Въ самой большой изъ нихъ не наберется и двухъ тысячъ душъ обоого пола; зато волость эта растянута часто на протяженіи верстъ трехсотъ. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ всего сто или двѣсти душъ обоого пола. Деревни

вѣшки татарскія по большей части также маленькія и бѣдныя; въ иной нѣтъ и десяти дворовъ. Русскіе крестьяне татарскія деревни и дома зовутъ *юртами*. Собственно же у татаръ деревня носитъ названіе „ауль“, а домъ „уй“.

Нѣкоторыя татарскія деревни дѣлятся на лѣтнія и зимнія, т. е. на постоянныя жилища и лѣтнія кочевья.

Зимній ауль состоитъ обыкновенно изъ одного или двухъ чрезвычайно неправильныхъ рядовъ избенокъ, частію безъ оградъ, частію безъ крышъ или же съ земляными крышами. Избенки эти часто нечто иное, какъ деревянные шалаши съ двумя узенькими окнами, затянутыми пузыремъ. Между ними и то только въ болѣе зажиточныхъ деревняхъ, гордо высятся два, три порядочные дома съ тесовыми крышами. Въ этихъ порядочныхъ домахъ можно найти совершенно русскую обстановку, а если хозяинъ мусульманинъ, то сверхъ того и татарскую. Внутреннее убранство какъ зимнихъ, такъ и лѣтнихъ юртъ, также весьма незатѣливо. Двери въ нихъ выходятъ на востокъ; прямо противъ двери въ каждой юртѣ находится нѣчто въ родѣ дивана, сложеннаго изъ мягкихъ войлоковъ — это ложе хозяина и хозяйки юрты; тутъ же противъ входа у крещеныхъ татаръ помѣщаются, на стѣнкѣ и образа. Направо отъ входа устраивается женское, а налево — мужское отдѣленіе. Кругомъ по стѣнамъ юрты подѣланы нары, или просто узкія полки, заваленныя на мужской половинѣ конскою сбруею, ящиками и сундуками, а на женской — чашками, самоварами и другою хозяйственною утварью. На женской же половинѣ нерѣдко помѣщается чуваль, или каминъ, битый изъ глины, съ трубою; иногда же чуваль этотъ сложенъ просто изъ камней, прямо посрединѣ юрты, и надъ нимъ придѣлано дымовое отверстіе въ крышѣ.

Юрты обыкновенно страшно грязны и у многихъ такъ ветхи, что вѣтеръ и дождь свободно проникаютъ сквозь бересту и щели.

Въ пищу сибирскіе татары употребляютъ жирныя, мучнистыя,

съ обильною примѣсью сладкаго, — блюда, а также мясо, рыбу, дичь, яйца, конину, но хлѣба ѣдятъ мало.

Гораздо болѣе самобытности представляютъ напитки сибирскихъ татаръ. Они страстные охотники до чая и нерѣдко пьютъ, такъ называемый, чай кирпичный. Сахаръ не составляетъ необходимой принадлежности къ чаю и употребляется только зажиточными татарами. Къ числу напитковъ также относится кумысъ, приготовленный изъ кобыляго молока. Въ большомъ употребленіи у сибирскихъ татаръ „айранъ“, крѣпкій напитокъ, приготовляемый изъ коровьяго молока. Не пренебрегаютъ татары и „аракую“ т. е. водкою, перегоняемою изъ кумыса, даже не брезгаютъ и водкою хлѣбною.

Праздниковъ у татаръ немного; значенія они почти никакого не имѣютъ, и только въ семь изъ нихъ прекращаются всякія работы. Самый главный праздникъ „байрамъ“, которому предшествуетъ постъ, бываетъ во время мѣсяца рамазана. Мусульмане убѣждены, что въ 27 ночь этого мѣсяца архангелъ Гаеріилъ въ сопровожденіи другихъ свѣтлыхъ духовъ сходитъ съ неба на землю и здѣсь между правовѣрными переходитъ изъ одного мѣста въ другое, внушая всеѣмъ добрыя мысли и добрыя дѣла. Съ рождевіемъ новой луны рамазанъ оканчивается, и вачинается праздникъ „байрамъ“, въ который мусульманину разрѣшается всякій родъ пищи и совершенная свобода отъ занятій. Байрамъ продолжается три дня. Между тобольскими татарами издавна существуетъ обычай давать въ байрамъ на бѣдныхъ отъ 2 до 100 р., смотря по состоянію дающаго. Есть еще у татаръ праздникъ, называемый „курба“, или „курманъ“. Обыкновенно начинаясь черезъ 70 дней послѣ байрама и продолжаясь цѣлую недѣлю, онъ установленъ въ воспоминаніе принесенія Авраамомъ въ жертву Богу сына своего Исаака. По этой причинѣ во всеѣхъ татарскихъ семействахъ и закалывается въ этотъ день молодой, чистый баранъ и съѣдается вмѣстѣ всеѣми членами семейства, а иногда и съ гостями, нароч-

но къ тому приглашенныхъ. Остатки угощенія раздаются бѣднымъ.

Семейные обряды и обычаи сибирскихъ татаръ-мусульманъ не представляютъ особенныхъ отличій отъ обычаевъ другихъ едино-вѣрцевъ. При заключеніи брака главную роль играетъ калымъ за невѣсту, т. е. выкупъ ея за извѣстную сумму у родителей; онъ состоитъ изъ денегъ, скота или товаровъ и простирается отъ 30 до 300 руб. и болѣе, смотря по состоянію жениха. Калымъ не требуется только за вдову и за прогнанную или бѣжавшую отъ мужа жену. Свадьбы у нихъ празднуются не прежде, какъ по достиженіи женихомъ и невѣстою 17 лѣтняго возраста и непременно лѣтомъ, хотя переговоры о бракѣ начинаются и много ранѣе. У сибирскихъ татаръ, какъ только женился сынъ, то ему сейчасъ же отводится особая юрта и особый зимникъ, если только, конечно, позволяютъ средства.

При похоронахъ, даже крещеные татары, удержали много языческихъ обрядовъ. Могилы на ихъ кладбищахъ роются обыкновенно съ востока на западъ. Умершихъ мужчинъ хоронятъ въ ящикахъ, женщинъ обертываютъ матеріею, а дѣтей—берестовою корою. Тѣло покойнаго кладутъ на спину, а лицо обращаютъ на востокъ.

Татары, живя долгое время между русскими и находясь постоянно въ сношеніяхъ съ ними, не могли не усвоить постепенно много русскаго. О крещеныхъ татарахъ уже и говорить нечего: они съ каждымъ годомъ теряютъ всякую черту своей народности. Но и татары-мусульмане многое внесли даже въ свою домашнюю жизнь отъ русскихъ. Теперь, напр., далеко не всѣ татарскія женщины находятся въ такомъ загнанномъ и замкнутомъ состояніи, какъ этого требовали прежніе обычаи татаръ. Нѣкоторые и изъ мужчинъ уже не считаютъ за грѣхъ замѣнять русскимъ армякомъ и полушубкомъ свой обычный костюмъ, говорятъ по-русски и между собою, учатъ дѣтей своихъ русской грамотѣ и т. п.

Примѣчаніе. Скажемъ нѣсколько словъ о бухарцахъ, которыхъ считается въ Тобольской губерніи болѣе 8 тысячъ человѣкъ. Хотя названіе „бухарцы“ осталось за ними и до сихъ поръ, но они въ настоящее время по своему быту и правамъ уже чистые татары. Бухарцы живутъ въ различныхъ городахъ Западной Сибири, составляя отдѣльныя общества и управы. Отдѣльными волостями они живутъ въ Тобольскомъ, Тюменскомъ и Тарскомъ округахъ. Въ другихъ городахъ, напр., Ялуторовскѣ и Петропавловскѣ, они принадлежатъ къ городскому классу. Бухарцы поселились въ Сибири со времени покоренія ея русскими, а вообще сношенія съ сибирскими татарами они имѣли значительно ранѣе. Родственные татарамъ по языку и впоследствии распространившіе среди ихъ магометанство, привившіе грамотность и снабжавшіе инородческія племена среднеазиатскими товарами, эти бухарцы имѣли когда-то огромное культурное значеніе среди сибирскихъ инородцевъ. Нынѣшніе бухарцы составляютъ только ничтожныхъ и жалкихъ потомковъ прежнихъ пришельцевъ ¹⁾.

б) Остяки.

Слово остякъ нѣкоторые производятъ отъ татарскаго „юситякъ“, что значитъ чужеземецъ. Татары, овладѣвшіе Западною Сибирью, называли, вѣроятно, такъ всѣхъ побѣжденныхъ.

Остяцкое населеніе главнымъ образомъ сосредоточено въ рѣчной области, образуемой Обью и Иртышемъ. Главнымъ же мѣсто-пребываніемъ остяковъ служитъ широкая обская низменность, око-

1). Н. М. Ядринцевъ. Сибирскіе инородцы. Сиб. 1891 г. стр. 34.

до 40 в. ширины. Небольшими рядами остяки расселились къ югу до Тобольска и почти до Томска. По нижнему и среднему теченію Оби остяки занимаютъ болѣе 1500 в., расселившись на всѣхъ притокахъ Оби и около 500 в. по нижнему теченію Иртыша, начиная отъ Алымскихъ юртъ, около 800—1000 в. по р. Сосвѣ, Казыму и др. На такомъ громадномъ все таки пространствѣ разбросано остяковъ немало. Риттихъ въ 1868 г. въ Тобольской губерніи насчиталъ остяковъ всего до 20 тысячъ.

Остяки распадаются на множество племенъ и родовъ. Каждый родъ состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ семействъ. Хотя они большею частію не знаютъ даже степени своего родства, но все таки смотрятъ другъ на друга, какъ на родственниковъ. Во главѣ каждаго рода стоитъ старшина, а во главѣ нѣсколькихъ родовъ—князь. Санъ князя и старшинъ наследственъ и по прекращеніи потомства въ мужскомъ колѣнѣ переходитъ къ ближайшему родственнику. Кромѣ родства лица одного рода связываются еще общимъ идолослуженіемъ, отъ котораго еще не отвыкли совсѣмъ и крещеные остяки. Каждый родъ имѣетъ своихъ кумировъ, которые хранятся въ особыхъ юртахъ. Эти кумиры находятся въ завѣдываніи шамана, пользующагося большимъ уваженіемъ. Какъ частныя лица, такъ и весь родъ обращаются къ нему въ сомнительныхъ случаяхъ, но шаманъ никогда не отвѣчаетъ прямо отъ себя, а вопрошаетъ сначала боговъ. Но и онъ не можетъ вопрошать высшее, небесное существо, называемое остяками Турмомъ, которое говоритъ съ людьми разгнѣваннымъ голосомъ грома и вѣтровъ. О Турмѣ говорятъ, что онъ всюду слѣдитъ за человѣкомъ, что отъ него ничто не укроется; онъ существо страшное для людей. До него не достигаютъ никакія мольбы; онъ правитъ судьбою людей и міра по неизмѣннымъ законамъ справедливости. Его милость нельзя заслужить никакими жертвами, такъ какъ онъ смотритъ на внутреннее достоинство человѣка, а не на жертвы или молитвы. И потому, если остякъ нуждается въ помощи, то

опъ обращается къ другимъ подчиненнымъ богамъ, и изображенія которыхъ хранить въ различныхъ потаенныхъ мѣстахъ. Кромѣ того у нихъ есть еще семейные боги, которые состоятъ изъ обыкновенныхъ камней и другихъ рѣдкихъ предметовъ, но преимущественно изъ небольшихъ грубыхъ деревянныхъ идоловъ съ человѣческимъ лицомъ. Каждый изъ этихъ идоловъ имѣетъ свое особое назначеніе; одни покровительствуютъ стадамъ, другіе — хорошему лову, третьи служатъ остякамъ хранителями во время путешествій. По временамъ они приносятъ своимъ идоламъ и жертвы, состояція въ томъ, что мажутъ имъ губы рыбьимъ жиромъ или кровью, и подносятъ ко рту рыбу или мясо. Такія жертвоприношенія можетъ совершать всякій, но во время общихъ жертвоприношеній богамъ необходимо участіе шамана. По ихъ понятіямъ обыкновенные звуки не доходятъ до слуха боговъ, поэтому шаманъ ведетъ рѣчь пѣснію съ барабаннымъ боемъ. Для убѣжденія толпы, что богъ дѣйствительно говоритъ устами своими, шаманъ обыкновенно навязываетъ тряпку на остріе палки, и когда она начинаетъ шевелиться, то это служитъ знакомъ, что богъ говоритъ съ шаманомъ. Такой обрядъ никогда не происходитъ безъ жертвы, состоящей изъ одного или нѣсколькихъ оленей. Когда шаманъ заколетъ ихъ, то кожа и рога развѣшиваются въ честь боговъ по деревьямъ, мясо съѣдается всеми присутствующими, часть же идетъ шаману ¹⁾.

Дѣйствіемъ въ высшей степени священнымъ считается у остяковъ присяга. Присягаютъ предъ идолами, но одинъ изъ самыхъ важныхъ видовъ присяги дается надъ медвѣжьей головою. Подобную присягу ни одинъ остякъ не рѣшится дать ложно и скорѣе сознается въ своемъ проступкѣ.

Бракъ у остяковъ имѣетъ болѣе общественное, нежели рели-

¹⁾. Болѣе подробно о религіозныхъ языческихъ воззрѣніяхъ остяковъ см. Том. Еп. Вѣд. 1890 года №№ 1, 2 и 3 ст. Н. Городкова.

гіозное значеніе. Жена для остяка должна быть прежде всего хорошею работницею. Онъ самъ занимается лѣтомъ ловлею рыбы, а жена должна заготовлять изъ нея зимніе припасы. Если во время лѣта жена не была рачительна къ хозяйству и мало заготовила припасовъ на зиму, то приходится питаться завялыми или изъподъ снѣга выбранными ягодами—рябиною, брусникою и др. Зимною жена прядетъ нитки, выдѣлываетъ кожи, шьетъ все платье для себя и для мужа. Женщина здѣсь рабыня въ самомъ низкомъ смыслѣ этого слова; она считается нечистымъ существомъ и, чувствуя свое глубокое униженіе, никогда не осмѣливается выражать своихъ желаній и покоряется всѣмъ прихотямъ мужа.

Бракъ у остяковъ есть чистая покупка женъ. Желаящій жениться на извѣстной дѣвушкѣ прямо идетъ къ ея отцу и говоритъ: „я хочу жениться на твоей дочери“, и начинается торгъ. Женихъ предлагаетъ калымъ деньгами или мѣхами. Выкупъ все таки дается болѣе или менѣе значительный, и по причинѣ этого въ настоящее время между остяками все рѣже и рѣже встрѣчается многоженство.

При похоронахъ тѣло покойника обертываютъ въ бересту, зарываютъ въ землю въ той одеждѣ, въ какой умеръ, и съ тѣми охотничьими вещами, которыя ему принадлежали: лукомъ, стрѣлами, пожомъ и т. п.. Если умеръ уважаемый человѣкъ, ближайшіе родственники дѣлаютъ его изображеніе, оказывая ему тотъ же почетъ, которымъ покойный пользовался при жизни. При каждомъ обѣдѣ это изображеніе сажаютъ за столъ, каждый вечеръ кладутъ его въ постель. Изображеніе опускается въ могилу только черезъ три года, полагая, что тѣло покойнаго уже совершенно сгнило, а съ нимъ вмѣстѣ окончилось и его безсмертіе.

Лица остяковъ мало представляютъ характеристическаго выраженія: мужчины смотрятъ сурово и пасмурно, какъ-то изъ подлобья, а женщины—болѣзненно; среди остяковъ больше смуглыхъ и черноволосыхъ, чѣмъ бѣлолицыхъ и бѣлокурыхъ; роста они большею частію средняго; слабосильны и тонконоги.

Многіе мужчины носятъ почти такое же платье, какъ наши крестьяне, знакомы даже и съ рубахою. Другіе же придерживаются своего костюма, который состоитъ зимою изъ длиннаго халата, сшитаго изъ выдѣланныхъ бѣлыхъ оленьихъ кожъ, а лѣтомъ изъ холста. Волосы нѣкоторые стригутъ по—крестьянски, а другіе распускаютъ безъ стрижки по плечамъ, дѣлая проборъ впередъ. У женщинъ и дѣвицъ одинъ и тотъ же нарядъ: длинныя рубахи, короткіе штаны, халаты, подпоясанные и открытые нѣсколько на груди, но завѣшанные всегда нагрудникомъ. Головы у бѣдныхъ женщинъ покрываются бумажными платками, а у богатыхъ суконными или китайчатыми шапочками, опушенными какимъ нибудь мѣхомъ, такъ что головки звѣрьковъ утверждены напереди, а ушки расправлены вверхъ.

Остяки при постоянныхъ трудныхъ занятіяхъ работающіе съ дѣтства. Съ 12 лѣтъ приучаютъ уже дѣтей стрѣлять, ходить за оленемъ, дѣлать ловушки, ставить чумы и проч.; съ 18 лѣтъ они принимаютъ все тягости возмужалыхъ и не расстаются съ ними до смерти. Остяки робки, суевѣрны, простодушны и довольно простосердечны. Услужливость и честность составляютъ отличительныя хорошія качества остяка. Онъ никогда не покинетъ друга въ нуждѣ, никогда ни запретъ двери просящему убѣжища; счастливый рыболовъ охотно дѣлитъ свою добычу съ менѣе счастливымъ товарищемъ; богатый считаетъ долгомъ помогать бѣдному, который смотритъ на это не какъ на милостыню, а какъ на принадлежащее ему по праву. Воровство почти неизвѣстно; дома никогда не запираются; имущество часто оставляется среди тундръ.

Остяки ѣдятъ сырую рыбу, траву, корни и пьютъ кровь. Употребленіе сырой рыбы и крови спасительно для нихъ отъ скорбута.

Главное занятіе этого племени рыболовство. По этому не удивительно, если остякъ говоритъ объ Оби, что „это богъ, котораго мы чтимъ болѣе всехъ боговъ“. Въ началѣ іюня вверхъ по Оби,

лишь только рѣка освободится отъ льда, тянутся безчисленныя стаи лососей и осетровъ, которые позднѣе опять возвращаются назадъ въ море; тогда какъ другія рыбы — щука, окунь, ершъ кишатъ въ рѣкѣ круглый годъ. На осетра и лососей остякъ смотритъ какъ на предметъ торговли, а другихъ рыбъ ѣсть самъ.

Какъ только весенній снѣгъ начинаетъ таять, остякъ со всеѣмъ семействомъ отправляется на берегъ извѣстной ему рѣки и устраиваетъ тутъ свое временное жилище, т. е. ставитъ чумъ. Втыкаютъ въ землю нѣсколько кольевъ, связываютъ ихъ вверху такъ, чтобы оставалось отверстіе для выхода дыма, и потомъ это жилище — чумъ обшиваютъ вареною берестою. Вмѣстѣ съ чумомъ начинается приготовленіе вѣтки — лодки, снастей и проч.. Вѣтка отличается отъ русскихъ лодокъ и легкостію и крѣпостію, не требуетъ даже гвоздей и ее легко можно переносить на себѣ съ мѣста на мѣсто.

Когда все готово, не ждутъ вскрытія рѣкы, а пробиваютъ пешнями размокнувшій ледъ, запускаютъ сѣти и, вытащивъ, впадаютъ съ радостію въ первую попавшуюся рыбу. Все лѣто ловятъ они рыбу сѣтями, вершами и удочкою, готовятъ рыбу не только для своего пропитанія и въ запасъ на зиму, но и для продажи.

Лодки начинаютъ вытаскивать при первыхъ заморозкахъ, по первому снѣгу; тогда готовятъ нарты, луки, стрѣлы; словомъ, заканчиваютъ лѣто и готятся къ зимней работѣ. На мѣстѣ, тутъ же, гдѣ были, выкапываютъ землянки въ аршинъ глубиною, крышу дѣлаютъ изъ толстыхъ жердей, забрасывая ее палками, вѣтвями, травою и землею; въ отверстіе крыши выходитъ суживающаяся труба; очагъ становится неподалеку отъ выхода, такъ что раздѣляетъ чумъ какъ бы на прихожую и чистую комнату. Труба и очагъ обмазаны глиною, полъ прикрытъ вываренною берестою; по сторонамъ печи придѣланы скамьи, на которыхъ стоитъ посуда, а подъ ними помѣщаются собаки; въ потолокъ или боковой стѣнѣ

сдѣлано окно, прикрытое кускомъ льда; дверь отворяется наружу; тутъ же приставляются двѣ лѣстницы, чтобы разгрести снѣгъ для выхода. Въ устроенной такимъ образомъ землянкѣ остается семейство на время, пока не наступитъ настоящая зима, пока не придетъ въ самую лучшую продажную форму звѣрь и пока не вернется изъ лѣсовъ самъ хозяинъ, остякъ, уходившій отыскивать мѣста, гдѣ приютились звѣри, такъ какъ во время улова поздно дѣлать розыски. По возвращеніи хозяина съ такихъ поисковъ, отправляются уже всею семьей въ лѣса, останавливаются вблизи звѣровыхъ мѣстъ, разгребаютъ снѣгъ и ставятъ здѣсь новый чумъ. Звѣриный промыселъ не есть настоящій промыселъ, который бы остякъ велъ съ охотою и который бы обогащалъ его нѣсколько; это скорѣе дѣло нужды—для пищи, для взноса ясака и для платы за забранный хлѣбъ въ казпѣ.

Рыболовы остяки живутъ очень бѣдно. Торговля ихъ состоитъ въ мѣнѣ. Русскіе ввели пагубную систему кредита и приучили остяковъ къ разнымъ произведеніямъ роскоши: вину, картамъ, щегольству, назначая самыя произвольныя цѣны какъ товарамъ остяковъ, такъ и своимъ собственнымъ; влѣдствіе чего остяки дѣлаютъ постоянные долги, которые съ каждымъ годомъ возрастаютъ, потому что число потребностей увеличивается, тогда какъ усердіе остяковъ замѣтно ослабѣваетъ. Въ настоящее время остякъ не можетъ обойтись безъ хлѣба, доставляемаго ему купцами. Не будучи въ состояніи тотчасъ заплатить за товаръ, по причинѣ прежнихъ долговъ, онъ по-неволѣ обязывается купцу доставить рыбы въ будущемъ году; такимъ образомъ остякъ совершенно въ рукахъ купца.

Кромѣ остяковъ, исключительно промысляющихъ рыбою, есть и такіе, которые водятъ оленей. Во время лѣта они дѣлятся на два хозяйства: одно при рыбной ловлѣ, другое слѣдуетъ за оленями къ болѣе холоднымъ приморскимъ берегамъ. Сама природа влечетъ оленя къ морскимъ берегамъ: его толстая шкура требуетъ

болѣе холодной атмосферы, и здѣсь оленя не такъ мучать комары, — язва для него въ то время, когда онъ линяетъ. Остякъ, проживая со своими оленями по берегамъ Ледовитаго моря, занимается тамъ морскою ловлею, бьетъ тюленей, моржей, бѣлыхъ медвѣдей и т. п. Впрочемъ не многіе удаляются къ самому морю; большая часть изъ нихъ проживаетъ на сѣверныхъ тундрахъ; но лишь только станетъ холоднѣе, они уходятъ къ лѣсамъ, гдѣ бьютъ лисиць, а главнымъ образомъ для того, чтобы найти и себѣ и оленямъ своимъ убѣжище отъ страшныхъ бурь. Къ концу декабря всѣ эти кочующія толпы сходятся на Обдорской ярмаркѣ. Число остяковъ, исключительно занимающихся оленеводствомъ, очень незначительно. Стада у нихъ также не велики, такъ какъ большія стада требуютъ пространныхъ пастбищъ, все же они богаче остяковъ рыболововъ; олень доставляетъ имъ не только пищу и одежду, но полезенъ имъ и для поѣздокъ на охоту и для перемѣщеній.

Въ болѣе южныхъ мѣстахъ, какъ, напр., по нижнему Иртышу, живутъ совершенно обрусѣвшіе остяки, которые, кромѣ языка, потеряли все свое самобытное. Избы строить на манеръ русскій, только похуже. Нѣкоторые изъ нихъ занимаются скотоводствомъ, другіе — земледѣіемъ, а иные — на зиму нанимаются въ ямщики.

в) Самоѣды.

Самоѣды по своимъ обычаямъ и правамъ во многомъ похожи на остяковъ. Это, конечно, и естественно: одинаковыя условія жизни были причиною и одинаковыхъ обычаевъ.

Самоѣдское племя по своему географическому положенію принадлежитъ къ числу самыхъ сѣверныхъ народовъ, обитающихъ въ Тобольской Епархіи. Кочевья ихъ занимаютъ все побережье Ледовитаго океана, отъ Уральскаго хребта до Тазовской губы; кро-

мѣ того существуютъ еще самоѣды, приписанные къ волостямъ остяцкимъ — Куноватской, Ляпинской и Казымской. Каждый самоѣдскій родъ имѣетъ своего старшину, обязанность котораго состоитъ въ сборѣ и представленіи въ казну ясака и въ разборѣ нѣкоторыхъ маловажныхъ дѣлъ. Первоначально самоѣды съ остяками имѣли надъ собою одного князя Обдорскаго. Но въ царствованіе Александра I имъ позволено было избрать себѣ отдѣльнаго князя, но потомъ они опять признали надъ собою власть Обдорскаго остяцкаго князя.

Самоѣды, подобно остякамъ, роста средняго, сложенія крѣпкаго, широкоплечи, голову имѣютъ большую, лобъ узкій, лицо круглое и плоское, цвѣтъ кожи смуглый, скулы выдающіяся, какъ у монголовъ, глаза узкіе, волосы черные и жесткіе и губы тонкія. Женщины походятъ на мужчинъ и, подобно имъ, — некрасивы. Женщины носятъ юбку изъ толстаго сукна, почти всегда краснаго цвѣта; поверхъ юбки надѣваютъ родъ кофты, длиною до колѣнъ и перетянутой довольно туго кожанымъ ремнемъ; затѣмъ надѣваютъ еще малицу, которая обшивается суконными лоскутьями яркихъ цвѣтовъ или же лоскутьями изъ оленьей кожи. Женскій головной уборъ состоитъ изъ бобровыхъ или росомаховыхъ шапокъ, украшенныхъ колокольцами, погремушками, мѣдными бляхами и пуговицами; волосы самоѣдки заплетаютъ въ три или четыре косы съ привѣсками на концахъ; обувь же какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ не отличается отъ остяцкой. Пища самоѣдовъ состоитъ изъ рыбы сушеной и цареной, а чаще всего сырой; хлѣба они, подобно остякамъ, употребляютъ мало, пріобрѣтая его въ печеномъ видѣ на Обдорской ярмаркѣ; изъ муки же варятъ „салымъ“ и пекутъ лепешки. Самоѣды также любятъ и оленье мясо, и убой оленей у обоихъ племень составляетъ какъ бы семейный праздникъ. Когда колютъ оленя, то льющуюся изъ него кровь пьютъ чашками; потомъ когда обдерутъ и векроютъ его — все семейство бросается къ нему съ ножами въ рукахъ и съ жадностью

начинаетъ вырѣзывать и ѣсть теплое мясо, обмакивая его въ дымящуюся кровь.

Жилище самоѣда имѣетъ видъ походной палатки и называется „чумъ“. Посреди этого чума устраивается мѣсто для разведенія огня, для каковой надобности вырываютъ яму или же кладутъ желѣзный, а иногда и чугунный листъ. Другихъ жилищъ или помѣщеній самоѣды не имѣютъ, и все имущество ихъ заключается въ обозѣ на нартахъ или саняхъ, стоящихъ около чума. Всякій семьянинъ имѣетъ свой особый чумъ и рѣдко въ одномъ помѣщается двѣ семьи; при перекочевкахъ чумъ перевозится съ собой на особой нартѣ, дѣломъ этимъ обыкновенно занимаются женщины.

Самоѣды миролюбивы, честны и добродушны; на промыслахъ же ловки и проворны; гостепріимство считается у нихъ дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Они не злопамятны, но вспыльчивы; смертоубійствъ между ними почти никогда не случается, а воровство считается за величайшій стыдъ. Языкъ самоѣдскій не имѣетъ никакого сходства съ остяцкимъ; въ выговорѣ онъ грубѣе и для слуха непріятенъ; письменъ у нихъ также нѣтъ, но вообще по умственнымъ своимъ способностямъ самоѣды стоятъ выше остяковъ.

Хотя между самоѣдами есть и крещенные, однако и до сихъ поръ всѣ они привязаны еще къ своему старому идолопоклонству и шаманамъ. Самоѣды вѣрятъ въ существованіе высшаго существа—Нума. Онъ, по ихъ понятію, живетъ въ воздухѣ и оттуда изъ грома и молніи посылаетъ дождь и снѣгъ, вѣтеръ и непогоду. Видимое небо они также называютъ „Нумъ“; звѣзды—члены божіи, а радуга—бахрома его плаща. Но этотъ богъ вселенной слишкомъ далеко отъ нихъ, и они охотнѣе обращаются къ своимъ кумирамъ, такъ называемымъ „Хаге“, съ которыми можетъ совѣтываться всякій, между тѣмъ, какъ „духи“ (тадебціи) открываются только шаманамъ. Они призываютъ своенравныхъ духовъ волшебными заклинаніями и дѣлаютъ ихъ послушными своимъ жела-

ніямъ. Большая часть самоѣдскихъ идоловъ находится на островѣ Вайгачѣ. Самоѣды одѣваютъ своихъ кумировъ въ оленинью кожу и даже украшаютъ ихъ разнаго рода блестками.

Шаманы, которые имѣютъ дѣло съ духами, называются у самоѣдовъ тадибеями. Искусство ихъ въ нѣкоторыхъ семействахъ наследственное. Если требуютъ ихъ услугъ, они надѣваютъ чрезвычайно странную одежду: рубашку изъ замши съ бахромою изъ краснаго сукна; швы также выложены краснымъ сукномъ и красные же эполеты украшаютъ плечи. На глаза и на все лицо свѣшивается кусокъ сукна, потому что не глазами, но внутреннимъ взоромъ тадибей проникаетъ въ тайны духовнаго міра. Голова остается не покрытою; только кусокъ сукна, служащій покрываломъ, привязывается двумя узенькими, красными суконными полосками, изъ которыхъ одна идетъ черезъ темя, а другая—вокругъ затылка. На груди тадибей носить желѣзную дощечку. Главный тадибей беретъ въ руки барабанъ, украшенный мѣдными кольцами, оловянными дощечками и звѣриными хвостами; звуками барабана онъ будитъ отъ сна духовъ и выводитъ ихъ изъ недѣятельности. Тадибей для этого поетъ нѣсколько призывающихъ словъ. Это причитанье произноситъ онъ съ мистическою страшною мелодіею. Помощникъ вторитъ ему и оба повторяютъ заклинанія, растягивая каждый слогъ. Шаманъ, который сначала неистово стучалъ въ барабанъ, вдругъ перестаетъ, чтобы слышать слова прибывшаго духа, ученикъ же его продолжаетъ еще пѣть. Когда тотъ кончитъ нѣмой разговоръ съ богами, то оба шамана испускаютъ дикій вой; удары барабана раздаются сильнѣе, и воля духовъ сообщается слушателямъ ¹⁾.

Съ вѣрованіями самоѣдовъ соединены и разные обычаи ихъ и обрядности, такъ, напр., при наступленіи родовъ самоѣдка, для

¹⁾ Подробно о религіозныхъ возрѣніяхъ самоѣдовъ см. въ Том. Еп. Вѣд. 1888 г. № 18 и 24 ст. Н. Гордкова.

облегченія своихъ страданій, должна признаться мужу во всѣхъ своихъ проступкахъ относительно его. Родившійся младенецъ посвящается одному изъ идоловъ, которому онъ долженъ при достиженіи зрѣлаго возраста и преимущественно при вступленіи въ бракъ сдѣлать новое платье изъ парчи или изъ сукна. Имя новорожденному заимствуется изъ названія птицъ или звѣрей; женщины же собственныхъ именъ не имѣютъ, а называются просто — дѣвка или баба, и только въ отличіе одной отъ другой прибавляютъ — мать, жена или дочь такого-то. Самоѣды женолюбивы, уважаютъ цѣломудріе и строго наказываютъ распутство. У самоѣдовъ встрѣчается иногда многоженство и женятся они очень рано; случается, что женихъ бываетъ 13 или 14 лѣтъ, а изъ женщинъ нѣкоторыя въ 12 и 13 лѣтъ становятся уже матерями, Невѣста пріобрѣтается за калымъ, состоящій въ количествѣ отъ 25 до 150 оленей, а иногда и болѣе, смотря по состоянію; бѣдняки же, по невозможности выплатить такой калымъ, выбираютъ себѣ невѣсть изъ родственницъ съ материной стороны, и въ этомъ случаѣ калымъ уменьшается или даже вовсе не требуется. Смерть кого либо изъ самоѣдовъ погружаетъ въ горе весь родъ его. Покойника, обмывши и одѣвши въ платье, выносятъ изъ чума въ особо сдѣланное отверстіе, кладутъ на нарту, запряженную любимымъ оленемъ его и везутъ къ могилѣ, заранѣе приготовленной, и здѣсь зарываютъ въ землю. Затѣмъ празднуютъ, убивъ привезшаго тѣло покойника оленя. Зимой же покойника зарываютъ просто въ снѣгъ, и поэтому умершіе по стаяніи снѣговъ дѣлаются жертвою хищныхъ звѣрей. По смерти мужа братъ покойнаго долженъ взять жену его или другой близкій родственникъ.

Самоѣды ведутъ жизнь кочевую, переходя постоянно съ мѣста на мѣсто и забирая всякій разъ съ собою все свое имущество. Во время этихъ перекочевокъ они занимаются рыбною и звѣриною ловлею. Перекочевки совершаются не только въ лѣтнее,* но и въ зимнее время на нартахъ, имѣющихъ видъ саней и

запряженных оленями. Всѣ хозяйственныя обязанности, напр., заготовление рыбы, выдѣлываніе кожъ, шитье разнаго платья, поставка чумовъ, а также и уходъ за оленями возлагаются на женщинъ; мужчины же исключительно занимаются только рыбною ловлею и охотою на звѣря. Главное богатство самоѣдовъ состоитъ въ стадахъ оленей, и наиболѣе зажиточные изъ нихъ держатъ по нѣскольку тысячъ этихъ животныхъ.

г) Вогулы.

Племя вогуловъ нѣкогда было такъ велико и сильно, что хаживало войною на сосѣдей, упорно противилось русской власти и изъ всѣхъ русскихъ инородцевъ показало сильнѣе другихъ упорство, когда стали вводить между ними (въ Пермїи) христіанскую вѣру. Перваго проповѣдника, епископа Питирима вогулы замучили въ 1455 г.; съ первыми завоевателями, пришедшими изъ Москвы, въ 1485 г. вступили въ бой; были разбиты, обѣщали платить ясакъ, но все таки продолжали жечь русскіе города и селенія и уводили жителей въ плѣнъ. Въ началѣ XVII ст. пелымскіе вогулы нѣсколько разъ бунтовали и замыслили даже взять города Тюмень и Березовъ и истребить всѣхъ тамошнихъ русскихъ.

Тобольскіе вогулы населяютъ сѣверную часть Туринскаго округа и сѣверо-западную Тобольскаго по рр Тавдѣ, Лозвѣ, Пелыми, Кондѣ и притокамъ ихъ. Всѣхъ вогуловъ въ Тобольской губерніи считается до 2 тысячъ человекъ обоюга пола. По внѣшнему виду вогулы средняго роста, волосы имѣютъ черные, иногда кудрявые, цвѣтъ лица темный, глаза узкіе, носъ небольшой и нѣсколько приплюснутый, скулы значительно выдавшіяся. Одни изъ нихъ не имѣютъ ни бороды, ни усовъ, другіе же носятъ усы, но небольшіе и нѣсколько волосковъ вмѣсто бороды. Нынѣшніе вогулы вялы и нерасторопны. Одежда ихъ почти ничѣмъ не отличается отъ одежды русскихъ крестьянъ: тотъ же зипунъ изъ сук-

на домашняго приготовленія, а зимою — полушубокъ. Женщины въ обыкновенное время носятъ холщевыя дубасы, имѣющіе подобіе сарафана; голову повязываютъ небрежно тряпичною; праздничныя же дубасы дѣлаются изъ китайки преимущественно темно-синяго цвѣта и обшиваются на груди тесьмою въ видѣ позумента; на голову надѣваютъ повязку, наружная сторона которой унизана правильными рядами крупнымъ бисеромъ, а нижній конецъ украшенъ змѣиными головками. Зимою сверхъ дубаса надѣваютъ суконныя бѣлыя зипуны, а въ праздники — такіе же зипуны, но съ навѣшанными на груди мѣдными бляхами. На ногахъ вогулки носятъ чарки съ пестрыми или красными чулками; дѣти же лѣтомъ ходятъ въ однихъ только рубашкахъ.

На пищу вогулы неприхотливы и ѣдятъ все, что попадется, не соблюдая ни постовъ, ни праздниковъ; въ случаѣ же недостатка въ пищѣ терпѣливо переносятъ голодъ, питаются переваренными рыбными или звѣринными костями, обыкновенно предназначенными для собакъ. Но главную пищу ихъ составляютъ рыба и дичь; рыба никогда не чистится, а варится вмѣстѣ съ чешуею и кишками; выхлебавъ наваръ, рыбу берутъ изъ чашки руками, не мытыми иногда въ теченіе цѣлой недѣли. Пьянство и куреніе табаку составляетъ главную страсть вогуловъ, служа единственною причиною ихъ бѣдности. Пьянствуютъ и курятъ не только мужчины и женщины, но и дѣти.

Болотистыя трущобы пособили вогуламъ остаться грубымъ и дикимъ народомъ. Хотя вогулы съ 1722 г. считаются христіанами, по охотѣ еще и нынѣ обращаются къ своимъ шаманамъ и поклоняются, подобно остякамъ и самоѣдамъ, деревяннымъ идоламъ, хранимымъ въ глуши лѣсовъ. Не такъ давно боготворилась ими около Пелыма огромная лиственница, а на р. Кондѣ имѣлась кумирня, входъ въ которую охранялся вооруженными вогулами. До сихъ поръ еще вогулы не оставили обычая при погребеніи класть съ покойникомъ вмѣстѣ все, что было любимо имъ въ

жизни, какъ то: ножи, ружья, табакъ и т. п.; родственники покойника оставляютъ на могилѣ и самыя сани, на которыхъ былъ привезенъ покойникъ. По своей жизни и дѣятельности вогулы болѣе всего подходятъ къ остякамъ.

До сихъ поръ мы говорили объ инородцахъ, живущихъ на мѣстахъ, занимаемыхъ Тобольскою Епархіею, съ незапамятныхъ временъ. Кромѣ русскихъ и этихъ инородцевъ, прежнихъ обладателей Сибири, здѣсь появились, хотя и въ незначительномъ количествѣ, отчасти даже нѣкоторые не добровольно, какъ сосланные за разныя преступленія, — представители нѣкоторыхъ другихъ народностей. Кажется, не будетъ преувеличенія, если мы скажемъ, что въ Тобольской Епархіи среди однихъ только ссыльныхъ можно найти представителей всѣхъ племенъ Европейской Россіи. Въ настоящемъ случаѣ кратко коснемся только тѣхъ народностей, количество которыхъ болѣе или менѣе значительно, такъ что они замѣтны среди общаго русскаго населенія Епархіи,

д) Евреи.

Само собою понятно, что Тобольская Епархія, по примѣру, можно сказать, всего міра, не лишена и еврейскаго населенія. Евреи расселились по всей Епархіи, смотря, гдѣ каждый изъ нихъ видѣлъ болѣе возможности поживиться на чужой счетъ. Болѣе всего евреевъ живетъ въ городѣ Тобольскѣ. Занятія ихъ здѣсь тѣ же самыя, какъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ — торговля, ростовщичество, различныя ремесла и нѣкоторыя другія темныя дѣла, представляющія матеріальную выгоду. Всѣхъ евреевъ въ Тобольской Епархіи до двухъ тысячъ человѣкъ обою пола.

е) Нѣмцы и Финны.

Нѣмцы и финны, число которыхъ доходитъ до пяти тыс. человекъ, появились въ Тобольской Епархіи давно. Нѣкоторые изъ нихъ переселились сюда добровольно, а иные были сосланы за разныя преступленія. Живутъ они преимущественно въ Тюкалинскомъ и Тарскомъ округахъ, образуя здѣсь по мѣстамъ свои особыя колоніи и занимаясь хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. По вѣроисповѣданію они протестанты.

ж) Поляки.

Въ Тобольской епархіи гораздо болѣе живетъ католиковъ-поляковъ. Они населяютъ преимущественно средніе округа Тобольской губерніи—Тобольскій, Тюкалинскій, Ишимскій и Тарскій. Поляки сначала явились сюда, какъ ссыльные въ прошломъ столѣтіи, послѣ извѣстныхъ раздѣловъ Польши. Наплывъ ихъ по распоряженію русской администраціи усилился особенно въ нынѣшнее столѣтіе, послѣ польскихъ волненій тридцатыхъ и шестидесятыхъ годовъ. Поляки, расселившись по городамъ и селамъ Тобольской Епархіи занимаются различными промыслами, торговлею, ремеслами, а иные, имѣющіе на то право, поступаютъ и на государственную службу.

з). Цыгане.

Откуда явились цыгане въ Тобольскую Епархію,—неизвѣстно. Извѣстно только, что они уже были здѣсь въ началѣ текущаго столѣтія. Кочуютъ они по всеѣмъ округамъ Тобольской губерніи, кромѣ Сургутскаго и Березовскаго, потому что тамошній суровый климатъ препятствуетъ бродячей ихъ жизни. По внѣшнему

виду они похожи на своихъ единоплеменниковъ въ Европ. Россіи, а по одеждѣ—на окружающихъ ихъ русскихъ, отличаясь развѣ большею бѣдностію въ своихъ одѣянiяхъ. Почти всѣ цыгане, за исключеніемъ немногихъ, приписанныхъ къ Ялutorовскому округу, православнаго вѣроисповѣданiя, но въ храмы они не ходятъ, молитвъ не знаютъ и только по необходимости исполняютъ нѣкоторые религіозные обряды. Въ школы своихъ дѣтей они не отдають, а потому отличаются почти поголовною безграмотностію.

Нѣсколько семей, соединившись въ одинъ таборъ, избирають изъ своей среды болѣе опытнаго старшину, которому и подчиняется весь таборъ. Кромѣ этого старшины, —вожака нѣсколькихъ семействъ, каждая семья въ свою очередь подчиняется еще старшему въ своемъ семействѣ—дѣду или отцу. Женщина у цыганъ особымъ уваженіемъ не пользуется и болѣе походить на безправную рабу.

Хотя цыгане и причисляются къ одному изъ обывательскихъ осѣдлыхъ сословій, какъ требуетъ того русскій законъ, но къ осѣдлой жизни не проявляютъ никакой охоты и чуждаются занятій, связанныхъ съ осѣдлою жизнью, напр., хлѣбопашества, скотоводства, огородничества и т. п. Пропитаніе и средства къ пропитанію мужчины добываютъ продажей и мѣною съ выгодною лошадей сомнительной имъ принадлежности, леченіемъ, ковкою ихъ и коновальствомъ среди населенiя, а женщины попрошайничествомъ и обманомъ легковѣрныхъ своими наговорами и гаданіями и другими подобными способами.

ОТДѢЛЪ III.

ОБЪ АКМОЛИНСКОЙ И СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТЯХЪ, ВХОДЯЩИХЪ ВЪ СОСТАВЪ ТОВОЛЬСКОЙ ЕПАРХІИ.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ И ТОПОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ.

Къ Тобольской Епархіи, кромѣ Тобольской губерніи, относятся еще вся Акмолинская область и часть Семипалатинской области (Павлодарскій и Каркаралинскій уѣзды). Намъ нужно дать понятіе главнымъ образомъ объ Акмолинской области, потому что Павлодарскій и Каркаралинскій уѣзды по своей природѣ мало отличаются отъ смежныхъ уѣздовъ Акмолинской области и не настолько обширны, чтобы о нихъ говорить отдѣльно.

Описаніе поверхности.

Съ сѣвера Акмолинская область окружена низменностями—Иртышскою и Ишимскою, по которымъ расположены линіи казачьихъ поселеній. Иртышская низина въ восточной части представляетъ глинистый песчаникъ, смѣняющійся ниже по теченію р. Иртыша известковыми пластами. На западѣ она соединяется съ Ишимскою степью (продолженіе Ишимской степи Тоб. губ.) пространнѣйшею черноземною луговиною, по которой тянется длинная цѣпь Камышловскихъ озеръ. Подпочву этой луговины составляетъ известнякъ, покоющійся на глинистыхъ пластахъ съ селенитами.

Испещренная солеными, горькими и въ самомъ маломъ числѣ прѣсными озерами и лишенная древесной растительности, Иртышская низменность представляетъ утомительно однообразный видъ и не имѣетъ достаточно удобствъ даже для кочевого обитанія. Камышловская котловина на западѣ составляетъ прямое продолженіе волнистой линіи озеръ, солончаковъ и займищъ (поросшія камышомъ озера и болота съ кочковатою влажною почвою), которая тянется дугообразно по Киргизской стени около 200 верстъ, начинаясь отъ группы озеръ Комъ-Куль, подъ 53° сѣв. шир., вблизи г. Кокчетава, и постепенно понижаясь съ юга на сѣверо-востокъ. По обилію солончаковъ Ишимская равнина лѣтомъ малообитаема.

На югѣ Акмолинской области расположены возвышенныя равнины: Голодная степь и полоса песковъ. Голодная степь представляетъ обширную возвышенную плоскость, окаймленную съ сѣвера и запада рѣкою Сары-су, надъ долиною которой она поднимается круто, а съ юга — береговыми песками р. Чу, къ которымъ она спускается террасами. Почва голодной степи глинисто-известковая, перемежающаяся солонцами и песчаными полосами. Вслѣдствіе безводья внутренняя часть степи почти совершенно бесплодна. Полоса песковъ тянется по южной областной границѣ; она характеризуется совершеннымъ отсутствіемъ проточныхъ водъ. Рѣки, будучи принуждены нести свои воды черезъ песчаную степь, постоянно мѣняютъ русла, дробятся на множество рукавовъ и, наконецъ, исчезаютъ, достигая находящихся за пескомъ резервуаровъ иногда подземною протокою. Благодаря лучшему орошенію почвы, песчаная степь, сравнительно съ сосѣдними мѣстами, отличается большимъ разнообразіемъ растительности.

Возвышенная часть Акмолинской области всхолмлена отрогами центрального водораздѣла — *Ильдыйскаго сырта*, который отдѣляется отъ Кызыль-ташскаго горнаго узла (въ Каркаралинскомъ уѣздѣ) и тянется по срединѣ области съ востока на западъ въ видѣ остроконечныхъ холмовъ (сопки) и низкихъ уваловъ, раз-

дѣля воды Ишима отъ Сары-суйскихъ и оканчиваясь на западной границѣ скалистою группою Улу-тау (*Западные горы*). Отъ центрального водораздѣла отдѣляются двѣ вѣтви: *Сѣверныя горы*, служащія водораздѣломъ Ишимской равнины отъ Иртышской, и *Южныя горы*, раздѣляющія Сары-суйскую систему отъ Балхашскаго бассейна.

Ильдагійскій сыртъ, или Среднія горы (Ескинейскія, чрезъ которыя переваливаетъ Акмолинско-актавская дорога, Айгыръ-джальскія, поросшія березовымъ лѣсомъ, Арганатинскія, отдѣляющія систему рр. Сары-су и Ишима и Кургальджинскій водоемъ и соединяющіяся на западѣ съ Улутавскою группою) отдѣляютъ систему р. Сары-су отъ Нуры или вообще отъ бассейна озера Денгизъ—Кургальджина. Глинистые сланцы составляютъ преобладающую породу центральныхъ возвышеній. Кромѣ того, въ нихъ замѣтно большое развитіе известковаго камня.

Западные горы, отдѣляющія воды Сибирской степи отъ Тургайскихъ, рельефно выступаютъ въ группѣ Улутава, имѣющей видъ скученныхъ гранитныхъ и порфировыхъ конусовъ. Благодаря обилію прѣсныхъ ключей и богатству кормовыхъ травъ, южныя, восточныя и западныя развѣтвленія Улутавскихъ горъ служатъ центральнымъ мѣстомъ для всѣхъ Багапалинскихъ волостей, состоящихъ въ вѣдѣніи Атбасарскаго уѣзда.

Сѣверныя горы. Начинаясь Еременътавскою группою, водораздѣльный уваль тянется сначала подъ именемъ Джаманъ-чубари, а потомъ холмами Мупчакты до живописной гранитной группы Кокчетау. Въ окрестностяхъ Кокчетавскихъ горъ открыты и разрабатываются золотые прииски. Между холмами дальнѣйшихъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ развѣтвленій разбросано множество соленыхъ и горькихъ озеръ, изъ коихъ послѣднія въ особенности занимаютъ своими водоемами весьма значительныя пространства. На юго-западѣ Кокчетавскія горы соединяются съ Зерендинскими, а далѣе на сѣверо-западѣ съ горами Имантавскими и Аиртавскими.

Сѣвернѣе $53^{\circ} 30'$ нѣтъ возвышеній. Параллель эту, слѣдовательно, можно считать предѣломъ лѣсисто-гористой мѣстности и южною границею Западно-Сибирской низменности. Всѣ эти горы, состоящія изъ легко разрушающагося вывѣтриваніемъ гранита (кубическаго строенія), зеленѣютъ густымъ лѣсомъ, а наносы, покрывающіе пласты глинистыхъ и кремнистыхъ сланцевъ, лежащіе на гранитѣ, состоятъ изъ толстаго слоя глинисто-черноземной почвы. По обилію влаги (прѣсныя и рыбныя озера), плодородію почвы и здоровому климату, окрестности вышеозначенныхъ горъ представляютъ наиболѣе удобныя мѣста для осѣдлыхъ поселеній. Въ отвалахъ Имантавскихъ горъ была найдена мѣдная и серебро-свинцовая руда, признаки которой открыты и въ другихъ развѣтвленіяхъ водораздѣла. Южныя отрасли Зерендинскихъ горъ, въ верховьяхъ р. Джабая, поднимаютъ густо-покрытыя сосновымъ лѣсомъ горы Тюктинскія, восточная часть которыхъ поросла прекраснѣйшимъ боромъ, извѣстнымъ подъ именемъ Сандыктавскаго.

Южныя горы, направляющіяся отъ Кызылташскаго узла къ юго-западу, представляютъ рядъ скалистыхъ гранито-порфировыхъ группъ: Бюрю, Казыль-тау, Сары-тау, Акъ-тау и Оръ-тау, которыя, по обилію прѣсныхъ ключей и тучныхъ настищъ, служатъ весьма удобными мѣстами киргизскихъ кочевковъ. Южнѣ этихъ горъ находится возвышенная плоскость Голодной степи (Бедъ-пакъ-дала).

Орошеніе.

Изъ рѣкъ, орошающихъ Акмолинскую область, замѣчательны: *Иртышъ, Ишимъ, Убаганъ, Сары-су, Нура, Чу*. Первые три принадлежатъ къ бассейну Ледовитаго океана, а послѣднія — къ внутреннимъ озернымъ бассейнамъ.

Иртышъ — единственная многоводная и судоходная рѣка, протекающая по сѣверо-восточной окраинѣ областной территоріи.

Ширина 100—200 сажень, глубина—отъ 1 до 3 сажень. Грунтъ дна песчано-глинистый. Теченіе быстрое. Много острововъ и отмелей. Богата рыбою (осетръ, нельма, стерлядь).

Ишимъ—главная областная рѣка, протекающая по сѣверной половинѣ области съ юго-востока на сѣверо-западъ, на протяженіи около 1000 верстъ. Береть начало въ Каркаралинскомъ уѣздѣ, въ горахъ Джаксы и Джаманъ-ніязъ. Ширина отъ 1½ до 40 сажень, глуб. отъ 1½ до 20 фут. Грунтъ дна въ верховьяхъ песчано-каменистый, въ низовьяхъ иловатый и песчано-глинистый. Въ верхней половинѣ теченія берега изрыты оврагами и логами, которое служитъ лучшими мѣстами для киргизскихъ зимовокъ. Въ низовьяхъ, при извиломъ и тихомъ теченіи въ мягкихъ берегахъ, рѣка дѣлится на множество протоковъ, образующихъ старицы. Годна только для сплава лѣса. Много рыбы (щуки, окуни, караси).

Убаганъ (правый притокъ Тобола), протекающій по западной границѣ Акмолинской области, по качеству воды (горько-соленая) и свойству береговъ (топкіе солонцы), не имѣеть значенія для мѣстнаго населенія.

Сары-су вытекаетъ изъ Кызылташскаго горнаго узла (въ Каркаралинскомъ уѣздѣ) и, обогнувъ голодную степь съ сѣвера и запада и отграничивъ такимъ образомъ юго-восточную бесплодную часть областной территоріи на протяженіи 780 вер., впадаетъ въ озеро Телекуль, не дойдя 80 вер. до р. Сыръ-Дарьи. Несудоходная и неславная, р. Сары-су представляетъ, однако, неисчислимыя удобства значительному числу жителей округовъ: Каркаралинскаго, Акмолинскаго и Атбасарскаго, потому что долина Сарысуйская богата кормовыми травами и кустарникомъ. Въ верхнемъ теченіи (ширина 2—3 сажени, глуб. 2 фута) дно каменистое и вода всюду прѣсная. Въ среднемъ теченіи (ширина до 8 сажень, глуб. отъ 3 до 10 фут.) дно глинисто-иловатое и вода солоноватая или осолодковоя. Въ нижнемъ теченіи (ширина

15 сажень, глуб. до 2 сажень) рѣка идетъ плесами, или дѣлится на мелкія и узкія протоки, которыя наполняются водою только весною, въ первыя двѣ недѣли по вскрытіи рѣки. Въ полосѣ песковъ рѣка протекаетъ, скрываясь подъ землю. Застаиваясь въ омутахъ, вода имѣетъ дурной горько-соленый вкусъ. Рѣка изобилуетъ рыбою.

Нура, въ верховьяхъ которой скучивается почти все кочевое населеніе Каркаралинскаго уѣзда, беретъ начало въ Кызыль-ташскомъ узлѣ двумя источниками. Близъ Акмолинскаго меридіана приближается къ р. Ишиму, съ которою находится въ замѣчательномъ гидрографическомъ соединеніи посредствомъ протоки Козукочъ (длина 50 вер.), наполняющеюся весеннею водою. Послѣ 640 вер. теченія, Нура впадаетъ въ озеро Кургальджинъ нѣсколькими рукавами, пройдя предварительно рядъ другихъ озерныхъ водоемовъ. По мѣрѣ приближенія къ устью, ширина рѣки увеличивается отъ 5 до 20 сажень, а глубина отъ 2 до 15 фут. Обильно орошаемая весенними разливами, долина рѣки считается одною изъ лучшихъ мѣстностей для лѣтнихъ кочевокъ. Какъ Нура, такъ и наиболѣе водные притоки ея имѣютъ на значительномъ протяженіи прѣсную воду и изобилуютъ рыбою.

Чу, разграничивающая Акмолинскую область отъ Сыръ-Дарьинской, несудоходна и имѣетъ значеніе только для зимовыхъ стойбищъ, благодаря обилію камышевыхъ пастбищъ.

Акмолинская область замѣчательна многочисленными озерами, изъ которыхъ нѣкоторыя относятся къ прѣснымъ, другія — къ соленымъ и горько-соленымъ; кромѣ того, одни принадлежатъ къ постояннымъ, иныя же — къ періодически появляющимся.

Наибольшее число прѣсныхъ озеръ находится въ сѣверо-западномъ углу областной территоріи, по лѣвую сторону р. Ишима (въ Петропавловскомъ уѣздѣ), гдѣ они занимаютъ едва-ли не столько же пространства, сколько суши. По правую сторону Ишима расположены болѣе обширныя и глубокія озера, въ особенности

тѣ, которыя обмываютъ подножія горъ Кокчетавскаго уѣзда, таковы: *Бюрлю-тарангуль*, *Большой-тарангуль*, *Большіе Чаглы*, *Акъ Башь*, *Таинчи-куль Аиртавское*, *Имантавское*, *Джаксы-ямызъ-куль*. Изъ прѣсныхъ озеръ сѣверной половины степи *Большіе Чаглы* занимаютъ первое мѣсто по величинѣ (окружность 100 верстъ). Озеро *Таинчи-куль*, богатое прекрасными луговыми угодьями, бываетъ особенно оживлено въ іюнѣ, во время открытія знаменитой Таинчикульской ярмарки. По красотѣ мѣстоположенія замѣчательны слѣдующія озера, лежащія въ окрестностяхъ Кокчетавскихъ горъ: *Кокчетаунынъ*, *Чалжаръ*, *Карагайлы (Боровое)*, *Котуръ-куль*, *Чортанъ-куль*, или Щучье. Центральная низменность Акмолинской области заключаетъ въ себѣ огромный горько-соленый бассейнъ *Кургальд-жинъ-денизъ* (окружн. до 450 в.), восточная часть котораго, принимающая въ себя р. Нуру, имѣетъ воду прѣсную. Лѣтомъ низовья Нуры, равно какъ и прилежащій берегъ озера, почти также оживлены, какъ и зимою, потому что сотни киргизскихъ юртъ, издавна начавшія здѣсь заниматься хлѣбопашествомъ, усяли пашнями окрестности озера.

О климатѣ.

Вслѣдствіе отдаленности теплыхъ морей и беззащитности отъ сѣверныхъ холодныхъ вѣтровъ, климатъ Акмолинской области имѣетъ вообще суровый континентальный характеръ съ жестокими морозами зимою и съ невыносимыми африканскими жарами лѣтомъ. Особенныя черты степного климата составляютъ — крайняя сухость воздуха отъ недостатка дождей, быстрые переходы отъ высшей температуры къ низшей, большая разность между крайними градусами тепла и холода и, наконецъ, частые, почти непрерывно дующіе вѣтры.

Зима продолжается въ киргизской степи пять мѣсяцевъ: съ

ноября до конца марта. Сильные морозы, т. е. болѣе— 20° , составляютъ около трети всей зимы; они стоятъ иногда по нѣсколь-
ку недѣль сряду и усиливаются рѣдко до— 30 и— 40° . Снѣга
въ большей части степныхъ мѣстностей, особенно въ мѣстахъ за-
крытыхъ и глинистыхъ, очень глубоки, но встрѣчаются обширныя
пространства на югѣ, какъ, напр., Каркаралинскій уѣздъ, Семи-
палатинской области, гдѣ цѣлую зиму можно ѣздить на колесахъ,
потому что снѣгъ здѣсь выдувается вѣтромъ въ лощины и въ со-
сѣднія низменные мѣста. Вѣтры часто сопровождаются снѣжными
вихрями или буранами, разгоняющими по степи во всѣ стороны
киргизскій скоть, который гибнетъ отъ голода и отъ хищныхъ
звѣрей. Среди зимы встрѣчаются оттепели, обнажающія землю отъ
снѣга; при этомъ земля покрывается ледяною корою, и образуется
такъ называемая гололедица, которая въ степи составляетъ истин-
ное бѣдствіе, потому что скоть, лишенный возможности добывать
траву изъ-подъ ледянаго покрова, погибаетъ огромными массами.

Рѣки въ киргизской степи замерзаютъ въ концѣ октября или
въ началѣ ноября. Весна продолжается всего два мѣсяца: апрѣль
и май; въ это короткое время степь представляется наиболѣе
оживленною; этому способствуютъ шумные разливы водъ, картины
степныхъ пожаровъ, пускаемыхъ киргизами и казаками для сжи-
ганія старой травы, зеленѣющая растительность, появленіе ярко
окрашенныхъ цвѣтовъ на широкихъ луговыхъ долинахъ и прилетъ
множества птицъ. Но въ концѣ мая жары сжигаютъ почву и
растения, и степь принимаетъ унылый, сѣро-желтый колоритъ. Лѣт-
ніе жары, достигая иногда до 40° по Р., особенно тягостны отъ
того, что дожди рѣдко освѣжаютъ удушливый воздухъ, наполнен-
ный огромными тучами мошекъ, комаровъ, овода; вѣтры обраща-
ются по временамъ въ ураганы, переносящіе цѣлыя горы песка съ
одного мѣста на другое.

Лѣто сопровождается иногда эпизоотическими болѣзнями отъ
употребленія въ питье дурной воды животными и отъ гнилыхъ

испареній, которыми заражаютъ воздухъ высыхающія озера и болота; у людей свирѣпствуютъ въ это время кровавые поносы и лихорадки.

Осень въ степи едва ли не лучшее время года; она вообще теплѣе и продолжительнѣе весны. Природа и люди во время осени снова оживаютъ послѣ изнурительнаго лѣтняго зноя.

Болѣе благопріятными климатическими условіями пользуются: Кокчетавскій уѣздъ, окрестности Каркаралинска и Баянъ-Аульской станицы.

Естественныя произведенія и животныя.

Въ Акмолинской области по ровной степи Омскаго и Петропавловскаго уѣздовъ исключительно растеть береза съ примѣсью осины, впрочемъ очень рѣдкой. Береза рѣдко употребляется здѣсь для постройки жилищъ. Съ измѣненіемъ характера мѣстности, въ уѣздахъ Акмолинскомъ и Кокчетавскомъ, измѣняется и растительность. Здѣсь каменистыя сопки и склоны горъ по преимуществу заняты сосною. Березовые лѣса въ этихъ уѣздахъ встрѣчаются только по берегамъ рѣкъ, по низменностямъ. Въ сѣверо-восточной части Семипалатинской области, по правую сторону р. Иртыша, на ровной мѣстности, съ суглинистою или песчаною почвою, растеть сосна съ примѣсью березы и осины. Частыя березовыя насажденія небольшими рощами встрѣчаются только въ Павлодарскомъ уѣздѣ.

Изъ древесныхъ растений, характеризующихъ песчанья степи въ Акмолинской области, замѣчательны: *саксауль*, *таранъ*, *джида*. Кустарники Акмолинской области: *таль*, *карагайникъ*, *терескенъ*, *баяльчъ*. Травяная растительность: *полынь*, *копекъ*, *кыпецъ*, *ковыль*, *ржаникъ*, *ебелекъ*, *чія*, *камышъ*. Техническиея растенія: *дикій ленъ*, *марена*, *желтокорня*, *томаръ-баяу*, *табакъ*. Лекарственныя растенія: *ресень*, *солодковый корень*.

Изъ царства ископаемаго въ Акмолинской области встрѣчаются: *каменный уголь*, *мѣдь* (найденъ самородокъ мѣди въ 400 п.), *свинецъ*, *серебро*, *золото*, *жельзо*, *соль*, *квасценосныя глины*, *известь*, *песчаникъ*, *цѣптные камни*.

Изъ животныхъ встрѣчаются: *овца*, *лошадь*, *корова*, *коза*, *верблюды*; *волкъ*, *лисица*, *заяцъ*, *сурокъ*, *медвѣдь*, *куланъ*, *сайа*, *архаръ* (каменный баранъ), *кара-куйрюкъ* (чернохвостая коза). Изъ птицъ, кромѣ болотныхъ, степныхъ и лѣсныхъ (лебедь, гусь, журавль, драхва, курочка полевая и др.) и мелкихъ, наиболѣе полезныхъ по истребленію насѣкомыхъ (скворецъ, галка и др.), обращаютъ на себя вниманіе: *орель* (беркутъ черного и сѣраго цвѣта), *соколъ*, *коришунъ*, *ястребъ*. Перваго употребляютъ для ловли звѣрей, а послѣднихъ приручаютъ для охоты на птицъ.

Административное дѣленіе Акмолинской области.

Изданными въ 1822 г. „Сибирскими Учрежденіями“ графа Сперанскаго, киргизскія кочевья Средней Орды были введены въ составъ вновь образованной, Омской области и распредѣлялись на округа, съ подчиненіемъ послѣднихъ русскимъ окружнымъ приказамъ. Открытіе этихъ округовъ и окружныхъ приказовъ началось съ 1824 г., и вмѣстѣ съ тѣмъ началось водвореніе линейныхъ казаковъ въ самой киргизской степи. Такъ возникли казачьи поселенія: Кокчетавское и Каркаралинское въ 1824 г., Баянъ-Аульское и Акмолинское въ 1832 г., Атбасарское въ 1846 г. Для образованія степныхъ поселеній нынѣшняго Кокчетавскаго уѣзда были вызваны въ 1849 и 1850 г. малороссійскіе казаки и крестьяне, также крестьяне смежныхъ съ Сибирью губерній, Оренбургской и Саратовской, въ числѣ 3852 душъ. Въ 1838 г. Омская область была упразднена. Вмѣсто нея установлено было пограничное управленіе. Омскъ, Петропавловскъ и казачьи станицы на горькой линіи причислены были

къ Тобольской губерніи, а Семипалатинскъ съ Устькаменогорскомъ и казачьими станицами на Иртышской линіи — къ Томской губерніи. При этомъ, Главное Управленіе Западной Сибири и мѣсто-пробываніе генераль-губернатора было перенесено изъ Тобольска въ Омскъ. Въ 1854 г. снова произошли перемѣны въ административномъ устройствѣ нашихъ пограничныхъ владѣній. Открыта была область Сибирскихъ киргизовъ съ главнымъ городомъ Омскомъ и Семипалатинская область съ главнымъ городомъ Семипалатинскомъ. Настоящее административное дѣленіе Семипалатинская и Акмолинская области получили въ 1868 г. Тогда введено было временное положеніе, въ силу котораго стени признаны были государственною собственностію; султанская власть и окружные приказы были уничтожены; киргизамъ предоставлено было самоуправленіе, а вмѣсто округовъ учреждены были уѣздныя начальства. Въ Семипалатинской области сдѣланъ былъ уѣзднымъ городомъ, между прочимъ, Павлодаръ, переименованный въ 1861 г. изъ Коряковской станицы въ заштатный городъ. Акмолинская область образована была изъ области Сибирскихъ киргизовъ и городовъ Омска и Петропавловска. 1 января 1869 г. состоялось открытіе области въ составѣ пяти уѣздовъ: *Омскаго, Петропавловскаго, Кокчетавскаго, Сарысуйскаго* (переименованъ въ 1878 г. въ *Атбасарскій*) и *Акмолинскаго*.

Пространство и народонаселеніе.

Акмолинская область расположена между 45° и 55° сѣв. шир. и 83° и 91° вост. долг. Граничить на сѣверѣ и сѣверо-востокъ съ Тобольскою губерніею, на востокъ съ Семипалатинскою, на югъ — съ Сыръ-Дарьинскою и на западѣ — съ Тургайскою областями. Пространство, занимаемое областію, равно 9,904 квадр. геогр. милямъ, или 479,200 кв. верстамъ, при народонаселеніи въ 467,401 душъ обоого пола. Земель Сибирскаго казачьяго

войска, городскихъ и отведенныхъ крестьянамъ переселенцамъ — 25,465 кв. вер., а земель государственныхъ, занятыхъ киргизами — 453,735 кв. верстъ. Населеніе области можно раздѣлить на осѣдлое (казаки, городское населеніе, крестьяне, разночинцы) въ числѣ 132,578 душъ, и кочевое (киргизы) въ числѣ 334,823 душъ.

Площадь и населеніе по уѣздамъ области представляются въ слѣдующей таблицѣ:

У Ѣ З Д Ы	Площадь	НАСЕЛЕНІЕ	
		Осѣдлое	Кочевое
	кв. вер.	ОБОЕГО	ПОЛА
Омскій	41,048	47,734	36,278
Петропавловскій	60,953	46,462	55,839
Кокчетавскій	63,689	30,766	60,326
Атбасарскій	118,630	2,337	61,769
Акмолинскій	194,880	5,279	120,611

Распределеніе народонаселенія по населеннымъ пунктамъ и болѣе мелкимъ административнымъ единицамъ можно представить въ слѣдующемъ видѣ:

У Ѣ З Д Ы	Городскихъ посе-л.		Казачь-ихъ		Киргиз-скихъ		Крестьянс. селен.	Городскихъ жи-телей	Казачьяго насе-ленія	Крестьянъ	Киргизовъ
	Станицъ	Поселковъ	Волостей	Ауловъ							
Омскій	1	4	23	5	32	—	33,750	13,876	99	36,278	
Петропавловскій	1	6	40	8	69	1	13,985	30,985	1,492	55,830	
Кокчетавскій	1	8	7	8	69	11	5,755	21,451	3,560	60,326	
Атбасарскій	—	1	—	9	55	7	1,557	99	681	61,769	
Акмолинскій	1	1	—	19	131	—	4,743	472	64	120,611	
Итого	4	20	70	49	356	19	59,799	66,883	5,896	334,823	

Въ числѣ городскихъ жителей показаны жители пригородныхъ станицъ и крестьяне, проживающіе въ городахъ. Свѣдѣнія эти относятся къ 1887 году. Статистическія данныя о численности киргизскаго населенія, по причинѣ полуосѣдлой жизни киргизовъ и по причинѣ суевѣрнаго предубѣжденія ихъ противъ исчисления, не отличаются точностію.

О городахъ.

Омскъ. Г. Омскъ лежитъ подь $54^{\circ} 59'$ сѣв. шир. и $91^{\circ} 2'$ вост. дол., въ разстояніи 3337 верстъ отъ С.-Петербурга, 2664 версты отъ Москвы и 602 верстъ отъ Тобольска, — расположенъ на правой сторонѣ р. Иртыша, при впаденіи въ него р. Оми, которая дѣлитъ городъ на двѣ несовѣмъ равныя части. Мѣстность, на которой расположенъ Омскъ, степная, ровная и почти безлѣсная; только крѣпость расположена на пологой и незначительной возвышенности. Омскій острогъ основанъ подполковникомъ Бухгольцемъ въ 1716 году и имѣлъ видъ пятиугольнаго укрѣпленія, обнесеннаго землянымъ валомъ и рвомъ. Острогъ сдѣлался скоро важнымъ стратегическимъ пунктомъ, такъ какъ войска и провіантъ, вывозимые на пограничную линію изъ Тобольска и Тары, достигали этой линіи именно здѣсь. Впослѣдствіи, когда основанъ былъ рядъ форпостовъ вдоль пограничной линіи, Омскъ не утратилъ своего значенія, такъ какъ, находясь въ точкѣ соприкосновенія сухопутной Ишимской пограничной линіи и прирѣчной Иртышской, онъ имѣлъ самое удобное центральное положеніе для завѣдыванія обѣими линіями. Это обстоятельство было причиною, почему генераль Шпрингеръ, которому пограничная линія обязана своимъ прочнымъ устройствомъ, въ 1763 г. основалъ свое мѣстопробываніе въ Омскѣ, гдѣ и построилъ въ 1768 г., вмѣсто развалившейся старой крѣпости (по лѣвую сторону р. Оми), новую крѣпость на правомъ берегу Оми. Крѣпость, построенная

по всѣмъ правиламъ тогдашняго искусства, съ нѣсколькими бастіонами, въ 1791—2 гг. снабжена была четырьмя каменными воротами. Въ 1782 г. Омскъ назначенъ былъ уѣзднымъ городомъ Тобольскаго намѣстничества; въ 1797 г. упраздненъ, а въ 1804 г. снова возстановленъ въ качествѣ уѣзднаго города Тобольской губерніи. Въ 1822 г., при образованіи Омской области, Омскъ назначенъ областнымъ городомъ, а въ 1838 г., по упраздненіи области, сдѣланъ окружнымъ городомъ Тобольской губерніи. Въ 1839 г. въ Омскъ перенесено было Главное Управленіе Западной Сибири и резиденція генераль-губернатора. Въ 1854 году Омскъ — главный городъ области Сибирскихъ киргизовъ, а въ 1868 г. — уѣздный городъ Акмолинской области, каковымъ состоитъ и по настоящее время, хотя областное управленіе съ губернаторомъ во главѣ постоянно находится въ Омскѣ (должно быть въ Акмолинскѣ). Омскъ, такимъ образомъ, имѣетъ значеніе не какъ центръ промышленности и торговли, а какъ важный административный пунктъ; кромѣ окружнаго управленія, въ Омскѣ находится резиденція Степнаго генераль-губернатора, онъ же — командующій войсками Омскаго военнаго округа и войсковою наказною атаманъ Сибирскаго казачьяго войска. Въ Омскѣ находятся: военно-окружный совѣтъ; окружный штабъ, военно-топографическій отдѣлъ, окружное интендантское управленіе, артиллерійское управленіе, инженерное управленіе, окружное военно-медицинское управленіе; управленіе омскаго почтово-телеграфнаго округа, контрольная палата, управленіе акцизными сборами Западной Сибири, управленіе государственными имуществами Западной Сибири. Кромѣ этихъ учреждений, въ Омскѣ находится много учебныхъ заведеній (мужская и женская гимназіи, женская прогимназія, учительская семинарія, техническое училище, уѣздное училище, Сибирскій кадетскій корпусъ). Вслѣдствіе всего этого, Омскъ — городъ военно-чиновный. Преобладающее сословіе мѣщане (8058 муж. пола и 8462 жен. пола) и дворяне (5380 чел. муж. п. и 1217 чел. жен. пола).

Омскъ одинъ изъ опрятнѣйшихъ городовъ Западной Сибири; улицы прямы и широки, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обсажены деревьями. Климатъ Омска сухой, здоровый и могъ бы быть очень приятнымъ, если бы было побольше растительности и если бы не свирѣствовали тамъ безпрестанные вѣтры, которые лѣтомъ производятъ невыносимую пыль, а зимою снѣжныя мятели и бураны.

Петропавловскъ. Городъ Петропавловскъ лежитъ подь $54^{\circ} 52'$ сѣв. шир. и $86^{\circ} 47'$ вост. дол., въ разстояніи 3089 верстъ отъ С.-Петербурга, 2416 вер. отъ Москвы и 564 версты отъ Тобольска, расположенъ на правомъ берегу р. Ишима.

Крѣпость Петропавловская, заложенная въ 1752 г. въ видѣ шестиугольника, сдѣлана была главною на пограничной Ишимской линіи. На востокъ отъ нея расположены были четыре крѣпости меньшія: Полуденная, Лебяжья, Николаевская, Покровская; а на западъ—шесть крѣпостей: Скопинская, Становая, Прѣсновская, Кабанья, Прѣсногорьковская и Звѣрипоголовская. При своемъ основаніи Петропавловская крѣпость, кромѣ деревянныхъ стѣнъ, окружена была палисадами въ два ряда; а въ 1765 г. вмѣсто деревянныхъ стѣнъ обведена была землянымъ городомъ и рвомъ. Въ ней сначала былъ гарнизонъ драгунъ, казаковъ и пѣхотный баталіонъ; въ предмѣстьи жили отставные чины и семьи казаковъ. Въ 1771 г., по словамъ академика Фалька, въ предмѣстьи, или форштадтѣ было 172 двора и 914 человекъ жителей, состоящихъ изъ городскихъ казаковъ, бухарцевъ, киргизъ и татаръ. Число жителей предмѣстья такъ быстро увеличивалось потому, что мѣсто, выбранное для крѣпости, было удобно для торговыхъ сношеній съ киргизами, бухарцами и другими обитателями средней Азии, а съ устройствомъ крѣпости сдѣлалось, кромѣ того, безопаснымъ отъ нападений киргизовъ. Въ непродолжительномъ времени при крѣпости была устроена таможня. Крѣпость и таможенные зданія расположены были на высокомъ берегу Ишима, тогда какъ,

предмѣстье—на низменности, образовавшейся отступленіемъ рѣки. Уже впослѣдствіи, для безопасности отъ наводненій, разрѣшено было селиться и на горѣ, близъ таможи. Въ настоящее время здѣсь находятся лучшія зданія города.

Наименованіе города Петропавловска получилъ въ 1807 г., а въ 1824 г. онъ объявленъ окружнымъ городомъ Омской области. Но съ 1839 г., вмѣстѣ съ закрытіемъ Омской области, Петропавловскій округъ распределенъ по другимъ сосѣднимъ городамъ, а городъ сдѣланъ безуѣзднымъ. Присутственныя мѣста въ немъ были упразднены, кромѣ полиціи и хозяйственнаго управленія, переименованнаго впослѣдствіи въ ратушу. Съ 1868 г. Петропавловскъ—уѣздный городъ Акмолинской области.—По составу жителей Петропавловскъ на половину мусульманскій городъ. Главное занятіе жителей—торговля; торгуютъ не только купцы, но и мѣщане и казаки. Купцы, кромѣ оптовой внутренней торговли, отправляютъ караваны свои въ Киргизскую степь, Коканъ, Бухару и Хиву. Мѣщане же и казаки занимаются мелочнымъ торгомъ на мѣновомъ дворѣ или продаютъ пріѣзжимъ киргизамъ муку. Кромѣ мѣстныхъ жителей, въ Петропавловскѣ занимаются торговлею присылаемые нарочно для того прикащики и агенты купцовъ изъ разныхъ городовъ. Самая важная отрасль торговли,—это скоть, пригоняемый въ огромныхъ табунахъ изъ степи.

Кокчетавъ. Кокчетавскій приказъ открытъ въ 1824 г. у подошвы невысокихъ горъ, при озерѣ Кона, на урочищѣ Чать. Часть земли, отведенная для заселенія, между горами и озеромъ занимала не болѣе 150 сажень и, будучи открыта сѣвернымъ вѣтрамъ, отличалась сыростію, вредною для жителей; солонцеватый грунтъ земли былъ крайне неудобенъ для хозяйственныхъ заведеній; наконецъ, находясь между господствующими надъ мѣстностію холмами, изъ-за которыхъ хищные киргизы могли дѣлать набѣги, участокъ этотъ въ стратегическомъ отношеніи представляетъ позицію совершенно невыгодную.

Въ 1825 г. возбужденъ былъ вопросъ о переводѣ приказа на новый участокъ, по лѣвому берегу рѣчки Чаглинки, отстоящей отъ урочища Чать на 4 версты, гдѣ отысканы были болѣе удобныя земли для хлѣбопашества. Въ 1827 г. переводъ фактически состоялся, но и на этотъ разъ при выборѣ мѣста сдѣлано много новыхъ ошибокъ.

Въ 1824 г., при открытіи приказа, киргизы были освобождены на пять лѣтъ отъ платежа ясака; по истеченіи срока эта льгота была продолжена еще на три года. Съ 1838 г. податный порядокъ вошелъ въ настоящую норму. Какъ въ Кокчетавѣ, такъ и въ другихъ городахъ Алмолинской и Семипалатинской областей, устроены интернаты для обученія киргизскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ.

О путяхъ сообщенія.

Кромѣ почтовыхъ трактовъ, маршруты которыхъ прилагаются ниже, въ Акмолинской области обращаютъ на себя вниманіе степныя транспортныя дороги, соединяющія Омскъ съ Акмолинскомъ и Кокчетавомъ и Акмолинскъ съ Павлодаромъ, и караванная дорога изъ Петропавловска въ Ташкентъ чрезъ Акмолинскъ.

Транспортныя дороги, по которымъ въ лѣтнее время почти непрерывно двигаются транспорты съ частными грузами, независимо отъ своего прекраснаго состоянія удобны еще и въ томъ отношеніи, что проходятъ по кратчайшему направленію между означенными выше городами (отъ Омска до Акмолинска 462 версты вмѣсто 878 верстъ почтовымъ трактомъ, до Кокчетавы 334 вер. вмѣсто 461 версты и отъ Акмолинска до Павлодара 387 вер. вмѣсто 1268 верстъ). Единственное неудобство этихъ путей заключается въ томъ, что они проходятъ по ненаселенной мѣстности, гдѣ только мѣстами можно встрѣтить кочевниковъ или ихъ зимовки, и, кромѣ того, по недостатку воды приходится иногда дѣлать значительные переходы (отъ 35 до 42 верстъ).

МАРШРУТЫ.

СТЕПНЫЕ ТРАКТЫ

	Версты		Версты
<i>Омскъ — Акмолинскъ</i>		Оз. Кошъ-куль	35
Омскъ (отъ поселка Черемуховскаго).	0	— Чункуръ-куль	26
Озеро Балыкты-куль	13	— Джамъ-мурза	35
Кол. Узень-чиликъ	24	Уроч. Матекъ	28
Оз. Щербакты	28	Оз. Байджигитъ	26
Ур. Кара-терекъ	28	Кокчетавъ	26
Кол. Тюре-чиликъ	24		
Логъ Агачъ кара-су	30	<i>Акмолинскъ-Павлод.</i>	
Рѣч. Кокпекты	42	Акмолинскъ	0
Ур. Кунырь (переправа черезъ рѣку Селеты)	32	Оз. Джанаулы	38
Кол. Джаръ-кудукъ.	33	Чункуръ-куль	35
Далѣе по теченію р. Селеты	194	Рѣч. Куанышъ-кара-су	28
		— Кара-булакъ	35
Итого	448	Оз. Айны-куль	24
		Р. Улента	40
<i>Омскъ — Кокчетавъ</i>		Далѣе по р. Улентъ	54
Омскъ	0	Оз. Аулье-куль	20
Ур. Баянъ	38	Р. Чидерта	28
Оз. Джалтырь	32	— Кокъ-узекъ	23
Ур. Джаръ-куль	28	Оз. Чайрукъ-соръ	23
— Семисъ-балыкъ	28	Зим. Науке	28
Оз. Кадахъ.	16	Кол. Бидекъ	27
— Аллуа	16	Павлодаръ.	22
		Итого	425 вер.

КАРАВАННАЯ ДОРОГА.

<i>Петроп. — Акмолин.</i>		Пик. Каратомарскій	40
Петропавловскъ	0	Р. Чаглинка	60

Оз. Булашъ-чалкаръ	90	Пик. Чубаръ-куль	33
Оз. Джукей	47	Ур. Куче-ку	30
Р. Татымбетъ	30	Оз. Сасыкъ-куль	45
Ур. Учъ-Булакъ	30	Акмолинскъ	25
		Итого	430 вер.

ПОЧТОВЫЕ ТРАКТЫ.

Станица Прѣсногорьковская—Петропавловскъ—Омскъ—Павлодаръ—Семипалатинскъ.

<i>Прѣсногорьковск. ст.</i>	0	Мельничная	30
Прѣсногорьковскій выс.	24 ¹ / ₂	<i>Г. Омскъ</i>	21
Кабанья	23 ¹ / ₂	Итого	281 ¹ / ₂
Екатерининская	15 ¹ / ₂	Устьзаостровская	28 ¹ / ₂
Прѣсновская	29	Ачairsкая	21 ¹ / ₂
Ново-рыбинская	16	Покровская вторая	18 ¹ / ₂
Санжарская	29 ¹ / ₄	Изылбашская	17
Становая	30 ³ / ₄	Саянская	18
Мало-вознесенская	22	Черлаковская	26 ¹ / ₄
Архангельская	25	Татаровская	26
<i>Г. Петропавловскъ</i>	20	Урлютюнская	24 ¹ / ₂
Итого	235 ¹ / ₂	Желѣзинская	28
Плоскій редуть	25	Пяторыжская	24 ¹ / ₂
Полуденная	30	Бобровская	17 ¹ / ₂
Ганькина	12	Осморижская	18
Медвѣжья	20	Песчаная	29 ¹ / ₂
Чистая	20	Прѣсная	24
Лебяжье	16	Чернорѣцкая	15 ¹ / ₂
Лосевская	20	Черноярская	26
Николаевская	26	<i>Г. Павлодаръ</i>	26 ¹ / ₂
Волчій редуть	20	Итого	389 ³ / ₄
Покровская первая	21 ¹ / ₂	Подстепная	22 ¹ / ₂
Курганская	20	Ямышевская	30

Черная	22	Черемховская	33
Лебяжья	31 ¹ / ₂	Долонская	20
Подпускная	24 ¹ / ₂	Бѣло-каменная	23 ¹ / ₂
Кривинская	24	Глуховская	19 ¹ / ₂
Семіярская	29	Старо-семипалатинская	16 ¹ / ₂
Грачевская	26	<i>Г. Семипалатинскъ</i>	16
		Итого	337

Петропавловскъ — Кокчетавъ — Атбасаръ — Акмолинскъ.

<i>Г. Петропавловскъ</i>	0	Сандыктавская	26 ¹ / ₄
Каратальская	18	Сарымсактинская	35
Коротожарская	20	<i>Г. Атбасаръ</i>	38 ¹ / ₂
Камышловская	28	Итого	176 ¹ / ₄
(Аксаутская)		Байджигитская	34 ¹ / ₂
Емантузская	24 ³ / ₄	Амантайская	21 ¹ / ₂
Мизгильская	23 ¹ / ₄	Колутонская	23 ¹ / ₄
Азатская	37 ¹ / ₂	Караобинская	24 ¹ / ₄
<i>Г. Кокчетавъ</i>	28	Чансарская	27
Итого	179 ¹ / ₂	Джеландинская	19 ¹ / ₄
Чиглинская	30 ¹ / ₂	Карамендинская	29 ³ / ₄
Карагайдыкульская	24	Бармакская	28 ¹ / ₂
Айдабульская	22	<i>Г. Акмолинскъ.</i>	33
		Итого	241

Павлодаръ — Каркаралы.

<i>Г. Павлодаръ</i>	0	Баянъ-Ауль	24
Калкаманская	33 ¹ / ₂	Сартовская	24 ¹ / ₂
Джемантузская	40 ³ / ₄	Бель-Агачская	22 ¹ / ₂
Кайдаульская	30	Джелтавская	23
Чакчанская	32	Куяндинская	25
Карасорская	24 ¹ / ₂	Сеорлинская	26 ¹ / ₂
		<i>Г. Каркаралы.</i>	25
		Итого	331 ¹ / ₄

Свѣдѣнія объ Акмолинской области заимствованы изъ слѣдующихъ источниковъ:

Памятная книжка Акмолинской области на 1887 г. Составлена И. Козловымъ.

Памятная книжка Западной Сибири за 1881 г. 209—211 стр.

Тоже за 1882 г. 379—381 стр.

Списокъ населенныхъ мѣстъ (Сибирскаго казачьяго войска) по свѣдѣніямъ за 1876 г. Составилъ Усовъ. Стр. 10. 37—8, 39—42. 56—57.

Памятная книжка для Тобольской губерніи 1864 года. Сост. В. Ильинъ. Стран. 102—108. 114—119.

Записка Западно-Сибирскаго отдѣла Импер. Рус. географ. общества. Кн. III. 9—10. 46—47 стр.

Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи. 1868 г. П. Семеновъ. Т. III. 641—642 стр.

Историческое обозрѣніе Сибири. П. Словоцовъ. Изд. 1886 г. 261 стр.

О КАЗАКАХЪ И КИРГИЗАХЪ, НАСЕЛЯЮЩИХЪ АКМОЛИНСКУЮ И СЕМИПАЛАТИНСКУЮ ОБЛАСТИ.

а) *Казакѣ.* 1)

Главная часть войсковыхъ земель, подъ общимъ именемъ *Сибирской казачьей линіи*, тянется длинною полосою по сѣверной и сѣверо-восточной окраинѣ Киргизской степи Сибирскаго

1) Свѣдѣнія о казакахъ заимствованы изъ «Памятной книжки Западной Сибири на 1881 г.», изданной въ томъ же году въ Омскѣ, и таковой же «книжки» на 1882 годъ, изданной также въ Омскѣ.

вѣдомства, отдѣляя ее отъ губерній Тобольской и Томской. Начинаясь отъ границъ Оренбургской губерніи, эта казачья линія направляется къ востоку до Омска, называясь тутъ также Ирѣсногорьковскою, или Горькою линіею отъ множества лежащихъ на ней горько-соленыхъ озеръ, а также—правымъ флангомъ войска. Затѣмъ, отъ Омска, круто повертывая на юго-востокъ, цѣпь казачьихъ поселеній пролегаетъ по правому берегу Иртыша и по притоку его Бухтармѣ до самой китайской границы. Между Омскомъ и Устькаменогорскомъ казачья линія носитъ названіе Иртышской, а далѣе къ югу—Бухтарминской, которыя обѣ вмѣстѣ составляютъ лѣвый флангъ войска.

Въ исторіи Сибирскаго края казачье сословіе вообще имѣло довольно важное значеніе. Первые завоеватели Сибири были казаки, пришедшіе съ Ермакомъ. Послѣ смерти Ермака сподвижники его, собравшись подъ начальствомъ атамана Мещеряка, порѣшили на войсковомъ кругу въ Искерѣ удалиться въ Россію. Но впослѣдствіи, при отправленіи новыхъ войскъ, они, по всей вѣроятности, стали снова возвращаться въ Сибирь. Къ нимъ стекалось много вольныхъ удалцевъ и охочихъ людей, искавшихъ здѣсь широкаго раздолья и легкой наживы. И тѣ и другіе, соединясь въ отдѣльныя казачьи дружины, общины и артели, положили основаніе Сибирскому казачеству вообще и собственно сибирскимъ *городовымъ* казакамъ.

Обращаясь къ исторіи возникновенія такъ называемыхъ *линейныхъ* казаковъ въ Западной Сибири, должно сказать, что они не слагались тутъ самобытно, какъ древнія казачьи общины въ сибирскихъ городкахъ, но были вызваны къ существованію исключительно по инициативѣ правительства. Дѣло въ томъ, что уже съ самаго начала русской колонизаціи въ Западной Сибири степные кочевники-киргизы и калмыки стали производить хищническіе набѣги на возникавшіе тутъ русскіе городки и селенія, при чемъ предавали ихъ огню, уводили въ плѣнъ жителей, грабили имущество

и скоть. Эти-то наѣзды кочевниковъ, бывшіе во все продолженіе XVII ст. довольно частыми, и побудили правительство и сибирскихъ воеводъ для защиты поселенцевъ со стороны степи устраивать изъ пограничныхъ городковъ и деревень цѣлую оборонительную линію казачьихъ укрѣпленій. Къ началу настоящаго столѣтія изъ мѣстнаго казачества, достигшаго 6000 душъ м. п., 19 Августа 1808 г., по Высочайше утвержденному штату, было сформировано Сибирское линейное казачье войско, которому дано было особое управленіе съ общественными и войсковыми учрежденіями, сословныя права и преимущества, съ особеннымъ порядкомъ отбыванія военныхъ и земскихъ повинностей. Должно замѣтить, что по „положенію“ 1808 г. Сибирское казачье войско обращено въ замкнутое сословіе, съ воспрещеніемъ выхода изъ него и ему придано было регулярное устройство, т. е. казаки должны были состоять на постоянной службѣ, въ составѣ своихъ полковъ, чередуясь другъ съ другомъ для отправленія дѣйствительной службы, т. е. для охраненія занимаемой ими линіи. Обязанности линейныхъ казаковъ по исполненію своего прямаго историческаго назначенія нѣсколько разъ видоизмѣнялись. По положенію 1808 г. каждый казакъ обязывался служить съ 19 лѣтняго возраста „доколѣ былъ въ силахъ.“ Второе положеніе, изданное въ 1846 г., установивъ, вмѣсто неопредѣленнаго, 30-лѣтній служилый срокъ, также обязывало казаковъ служить безльготно все время. Отслужившіе во фронтѣ 20-лѣтній срокъ, пожилые казаки назначались на разнаго рода работы въ войсковыя хозяйственныя учрежденія, содержавшіяся для удовлетворенія военно-служебныхъ потребностей войска и частию съ цѣлю увеличенія войсковыхъ капиталовъ, какъ то: на войсковую суконную фабрику, на кожевенные заводы, пильную мельницу, рыбалку и т. п.; они же должны были служить ямщиками на почтовыхъ трактахъ войсковой территоріи и Киргизской степи. Въ 1861 г. было совершено новое коренное преобразование сибирскаго линейнаго казачьяго войска, которое получило

взаимнѣ „положенія“ 1846 г. „временное положеніе.“ Сущность этого преобразованія заключалась въ томъ, что у сибирскихъ линейныхъ казаковъ были введены періодическія льготы для домашнихъ занятій отъ трехъ до четырехъ лѣтъ между очередными выходами на дѣйствительную службу, какъ это было уже на Дону, въ Оренбургскомъ и др. казачьихъ войскахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ уничтоженъ обязательный трудъ казаковъ въ разныхъ войсковыхъ хозяйственныхъ заведеніяхъ, которыя тогда же были всѣ упразднены, въ томъ числѣ и войсковая суконная фабрика. Но съ этими новыми правами, на казаковъ были возложены новыя обязанности. Прежде они служили, получая постоянное казенное довольствіе, въ казенномъ обмундированіи и на казенныхъ лошадяхъ; теперь же должны были имѣть для службы собственныхъ лошадей, снаряжая форменную одежду и всю аммуницію на свой счетъ, и перестали получать казенный провіантъ, находясь дома.

Но оказалось, что періодическая служба значительно охлаждаетъ казаковъ дѣятельно пользоваться льготнымъ временемъ для поправленія своего хозяйства, такъ какъ во время новой отлучки на службу оно снова приходило въ разстройство. Поэтому въ началѣ 80-хъ годовъ учреждена новая воинская повинность, при которой періодическіе выходы на службу прекращаются, и казаки, достигшіе 21 года, сразу отслуживаютъ на полевой службѣ четыре года, а затѣмъ въ мирное время пользуются постоянною свободою отъ служебныхъ командировокъ до отставки. При чемъ уничтожено, дарованное въ 1871 г. части казаковъ, право освобождаться по жребію отъ военной службы.

Общественное хозяйство войска раздѣляется на войсковое и станичное. Предметъ перваго, завѣдываемаго войсковымъ хозяйственнымъ правленіемъ, составляютъ войсковые капиталы, полученіе годовыхъ доходовъ изъ различныхъ источниковъ и удовлетвореніе общихъ потребностей войска. Ко второму, состоящему въ вѣдѣніи

станичныхъ обществъ, относится распоряженіе принадлежащими имъ капиталами и оброчными статьями.

Въ послѣднее время войско стало очень щедро пользоваться своими весьма значительными общими капиталами для большаго развитія народнаго образованія. На счетъ войска ранѣе содержались только два окружныя училища въ Кокчетавѣ и Павлодарѣ для приходящихъ учениковъ, на которыя положены были по штатамъ самыя ничтожныя суммы. Въ 1877 г. разрѣшено производить изъ войсковыхъ капиталовъ ежегодный отпускъ по 12 тыс. руб. въ пособіе станичнымъ училищамъ и для приготовленія 10 казачьихъ стипендіатовъ въ Омской учительской семинаріи, которые по окончаніи курса обязаны служить въ станичныхъ и поселковыхъ школахъ. Эта мѣра дала возможность увеличить число школъ, особенно для дѣвочекъ, лучше обезпечить содержаніемъ учителей и учительницъ. На войсковыя средства учрежденъ также приготовительный пансіонъ для поступленія малолѣтнихъ въ Сибирскую военную гимназію; учреждено шесть казачьихъ стипендій въ Омской женской гимназіи; открыты спеціальныя школы: медицинско и ветеринарно-фельдшерскія и для приготовленія станичныхъ повивальныхъ бабокъ; учреждены стипендіи отъ войска въ медико-хирургической академіи. Для распространенія въ народѣ ремесленныхъ знаній положено въ нѣкоторыхъ школахъ обучать ремесламъ, при чемъ въ школы доставляется все нужное для обученія ремеслу, а учителю ремесла полагается особая плата.

Обратимся теперь къ частной экономической жизни казачьяго населенія.

Хлѣбопашество не получило пока у казаковъ такого развитія, чтобы могло считаться основой ихъ благосостоянія. Первый Западно-Сибирскій генераль-губернаторъ Капцевичъ нашелъ его въ такомъ небреженіи, что приказалъ въ 1820 г. завести повсемѣстно и обязательно общественныя запашки, которыя и продолжались нѣсколько лѣтъ. Съ того времени хлѣбопашество стало распро-

страняться между казаками, но и въ настоящее время многіе предпочитаютъ болѣе легкіе заработки, на которые и приобретаютъ главный предметъ существованія—хлѣбъ, подвозимый всегда въ изобиліи изъ сосѣднихъ хлѣбородныхъ округовъ Тобольской и Томской губерній. Болѣе упрочилось хлѣбопашество въ станицахъ Кокчетавскаго, Петропавловскаго и Омскаго округовъ. Затѣмъ, жители степной станицы Акмолинской, составляющей единственное населеніе уѣзда того же имени и живущіе по песчаному берегу Иртыша казаки Павлодарскаго и Семипалатинскаго уѣздовъ находятся еще въ переходномъ состояніи отъ скотоводческой промышленности къ земледѣльческой дѣятельности.

Огородничествомъ повсюду довольно усердно занимаются казачки, а мѣстами, особенно въ станицахъ, ближайшихъ къ городскимъ рынкамъ, оно составляетъ даже немаловажный промыселъ. Въ нѣкоторыхъ станицахъ Иртышской линіи производятся на бахчахъ превосходные арбузы и дыни, которые везутся для продажи на рѣчныхъ плотахъ за нѣсколько сотъ верстъ въ Омскъ.

Заслуживаетъ вниманія у казаковъ развитіе *табаководства*. Имъ занимаются преимущественно казачьи семьи, чуждающіяся еще хлѣбопашества, и находятъ въ немъ подспорье по причинѣ постоянно хорошаго урожая табака и вѣрнаго сбыта его киргизамъ. Сѣется табакъ только самаго простого и дешеваго сорта, извѣстнаго въ торговлѣ подъ именемъ „линейскаго“.

Луговое хозяйство имѣетъ для казаковъ не меньшее значеніе, чѣмъ для крестьянъ пашни, давая имъ возможность не только прокармливать своихъ лошадей и прочій скотъ, но и получать значительныя денежныя выгоды. Долины Иртыша, Ишима, ихъ притоковъ и берега многочисленныхъ озеръ, увлажненные весенними разливами, послѣ спада водъ покрываются роскошною травяною растительностію; особенно процвѣтаетъ луговое хозяйство въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хлѣбопашество стоитъ на низкой степени развитія.

Скотоводство составляетъ самую существенную отрасль ка-

зачьяго хозяйства, удовлетворяя потребностямъ населенія въ животной пищѣ и въ двигательной силѣ, а сверхъ того служа предметомъ торговой промышленности. Казаки повсемѣстно занимаютъ въ большей или меньшей степени перепродажею скота; покупая очень дешево, мѣною на товаръ киргизскихъ лошадей, коровъ и овецъ, они выкармливаютъ этихъ животныхъ на своихъ сѣнокосныхъ участкахъ въ теченіе года или двухъ и затѣмъ продаютъ гуртовщикамъ съ значительнымъ барышемъ. По скотопромышленности первое мѣсто занимаютъ не земледѣльческія, но обильныя лугами станицы Павлодарскаго уѣзда.

Въ виду военнослужебныхъ обязанностей казачьяго населенія, развитіе въ средѣ его коневодства имѣетъ особое значеніе, но казаки, подобно киргизамъ, не прилагаютъ вовсе заботъ объ уходѣ и воспитаніи лошадей, которыя утрачиваютъ вслѣдствіе этого прекрасныя качества степной лошади, становясь малорослыми, слабосильными и неспособными къ продолжительнымъ походамъ.

Рыбопромышленность въ Сибирскомъ казачьемъ войскѣ весьма распространена, благодаря обилію рыбы въ рѣкахъ и озерахъ; питааясь круглый годъ рыбною пищею, казаки часть улова вывозятъ для продажи на ближайшіе городскіе рынки и на сельскія ярмарки.

Изъ числа второстепенныхъ промысловъ казачьяго населенія, имѣющихъ мѣстами при недостаткѣ земледѣлія характеръ важнаго подспорья, слѣдуетъ во главѣ поставить *извозный*, которому благоприятствуетъ положеніе большей части казачьихъ поселеній на почтовыхъ трактахъ, связывающихъ Оренбургъ съ Омскомъ, Омскъ съ Семипалатинскомъ и главнѣйшіе пункты Киргизской степи между собою. Придорожные казаки содержатъ почтовые станціи, занимаются перевозкою купеческихъ кладей и въ связи съ этимъ получаютъ нѣкоторыя выгоды отъ содержанія постоянныхъ дворовъ. Затѣмъ, въ различныхъ мѣстностяхъ войска существуютъ въ небольшихъ размѣрахъ простые промыслы, ограничивающіеся однимъ

простымъ добываніемъ предметовъ природы; таковы—вырубка лѣса на дрова и жерди, сбываемыя въ сосѣднихъ городахъ, выжиганіе древеснаго угля, добываемаго на заводы, добыча изъ степныхъ озеръ соли и продажа ея на крестьянскихъ ярмаркахъ и т. п.

Между занятіями казаковъ излюбленное составляетъ торговля, преимущественно мелочная, розничная перепродажа русскаго товара киргизамъ и степного товара русскимъ купцамъ, мѣщанамъ и крестьянамъ. Торговлю эту казаки производятъ или мѣновую или денежную, но далеко не получаютъ уже отъ нея тѣхъ выгодъ, какъ прежде, когда было меньше конкуренціи со стороны разночинцевъ. Послѣдніе видимо, въ этой своего рода борьбѣ за существованіе, вытѣсняють казаковъ. Предметами торговли на ярмаркахъ являются съ одной стороны произведенія русскихъ мануфактуръ: шелковыя, бумажныя и суконныя матеріи, мѣдныя и желѣзныя издѣлія, выдѣланныя изъ кожи, москательный и колоніальный товаръ, хлѣбъ въ зернѣ и мукѣ и разнообразныя, необходимыя въ сельскомъ быту издѣлія крестьянской кустарной промышленности, а съ другой—азіатскіе и степные товары: шелковыя ткани, бязь, сырыя кожи, сало, шерсть, волосъ и главнымъ образомъ лошади, рогатый скотъ и бараны. Главную массу стекающагося на ярмарки народа составляютъ киргизы, казаки и крестьяне изъ сосѣднихъ внутреннихъ округовъ Западной Сибири.

б) Киргизы. ¹⁾

На востокъ отъ рѣки Урала, въ глубь средней Азіи до рѣки Оби, растянута безпредѣльная Сибирская степь, лѣтомъ покрытая мѣстами сочною травою, а мѣстами—солончаками и мелкими озерами. На этой степи съ незапамятныхъ временъ кочуютъ киргизы, народъ несомнѣнно монголо-турскаго племени.

¹⁾ Заимствовано изъ ст. К. Ельницкаго «Киргизы».

Киргизы дѣлятъ себя на два сословія: „бѣлая кость“ и „черная кость.“ Къ бѣлой кости принадлежатъ знатнѣйшіе киргизы, считающіе себя потомками великихъ предковъ; къ черной кости всѣ остальные, какъ не имѣющіе ясныхъ доказательствъ своего высокаго происхожденія. Кромѣ того всѣ киргизы дѣлятся на роды. Связь между членами каждаго рода очень крѣпкая. Случись какое нибудь несчастіе съ однимъ изъ представителей рода, онъ можетъ смѣло рассчитывать, что за него сейчасъ заступятся его родичи.

Наружность киргизъ изобличаетъ ихъ племя: они средняго роста, сутуловаты; ноги у нихъ короткія, колесомъ, вѣроятно, отъ постоянной верховой ѣзды; походка медленная, развалистая; лица широкія, плоскія, съ выдающимися скулами, узкими, черными и нерѣдко плутоватыми глазами; цвѣтъ кожи или блѣдножелтый или темножелтый. Мужчины брѣютъ голову, но носятъ рѣдкую, черную, клинообразную бородку. Волосы около губъ они ошиповываютъ чтобы не мѣшали при ѣдѣ.

Одежда киргизъ поражаетъ пестротой красокъ. Чѣмъ разноцвѣтнѣе платье и чѣмъ болѣе оно обшито позументами и блестками, тѣмъ болѣе оно нравится киргизамъ. Мужчины носятъ на головѣ аракинъ (ермолку), вышитый у богатыхъ шелкомъ, позументомъ и бисеромъ. Сверхъ аракина они надѣваютъ лѣтомъ бѣлую войлочную шляпу, а зимою—конусообразный малахай (шапка), концы котораго закрываютъ шею и уши. Малахай дѣлается изъ бараньей или лисьей шкуры и покрывается цвѣтною матеріею. Иногда онъ бываетъ украшенъ серебряными монетами и обшитъ позументомъ.

Поверхъ длинной холщевой рубашки и широкихъ короткихъ шараваръ киргизы надѣваютъ безрукавый цвѣтной беишетъ, а поверхъ беишета—лѣтомъ пестрый халатъ (богатые шелковый, а бѣдные—ситцевый), а зимою—волчью или лисью шубу съ длинными, узкими рукавами. По шубѣ или по халату киргизы подпоясываютъ

ся широкимъ кожанымъ поясомъ, украшеннымъ бляхами и металлическими пуговицами. Къ поясу привѣшиваютъ кожаный кисетъ для ножа и трубки. За поясъ нерѣдко затыкаютъ ногойку, украшенную кольцами.

На ногахъ киргизы носятъ мягкіе козловые сапоги, безъ каблуковъ, съ мягкой же подошвою. Выходя на улицу, они надѣваютъ калоши.

Одежда киргизокъ нѣсколько похожа на одежду киргизъ. Бешметъ киргизки отличается отъ бешмета киргиза только большимъ числомъ нашитыхъ костяныхъ или металлическихъ пуговицъ и бляхъ. вмѣсто малахая замужнія киргизки повязываютъ голову большимъ бѣлымъ бумажнымъ или холщевымъ покрываломъ, концы котораго спускаются на плечи и спину. На лобъ, подъ покрывало, онѣ надѣваютъ накладку, обшитую мѣхомъ и украшенную серебряными монетами. Дѣвушки носятъ на головѣ шапочку изъ лисьяго мѣха, верхушка которой покрывается различнаго рода украшеніями. Какъ у дѣвушекъ, такъ и у женщинъ волосы заплетены: у первыхъ—въ нѣсколько тоненькихъ косъ, а у вторыхъ—въ три косы. Шею киргизки, особенно дѣвушки, любятъ украшать бусами, а пальцы—перстнями съ камнями.

Живутъ киргизы въ юртахъ. Юрта—это круглая палатка, деревянные рѣшотчатые стѣны которой обложены войлокомъ, а наверху оставлено отверстіе для выхода дыма и для свѣта. Дверь у юрты или деревянная, или войлочная; если она открыта, то это значитъ, что хозяинъ дома и что къ нему можетъ войти каждый; если же она закрыта, то это значитъ, что хозяинъ или спитъ или его нѣтъ дома. По срединѣ юрты, подъ отверстіемъ, устроены изъ кирпичей очагъ, надъ которымъ виситъ котелъ. На этомъ очагѣ киргизы готовятъ себѣ пищу; у него же они грѣются въ холодные дни. У богатыхъ киргизъ полъ и стѣны юрты выложены коврами. Въ юртѣ помѣщается все имущество киргиза. Направо отъ двери, у стѣны обыкновенно, стоятъ сундуки съ

одеждою и разными драгоценностями; налѣво — низенькая кровать, закрытая пологомъ, а впереди — низенькій круглый столъ, на которомъ ѣдятъ киргизы. Невдалекѣ отъ стола, у стѣны, въ ямѣ лежитъ саба (кожаный мѣшокъ), въ которой готовится кумысъ. По стѣнамъ развѣшаны сѣдла, конская сбруя, оружіе и т. п. вещи.

Богатые киргизы имѣютъ по нѣскольку юртъ, въ которыхъ они размѣщаютъ членовъ своей семьи. Въ юртахъ бѣдныхъ киргизъ въ холодную пору можно видѣть не только людей, но также ягнятъ и недавно родившихся жеребятъ, телятъ, верблюжатъ.

Юрта очень легко можетъ быть снята и опять поставлена. Постановкою юрты занимаются преимущественно женщины. Черезъ какіе нибудь полчаса юрта снята; войлоки, покрывавшіе ее, свернуты въ трубки; жерди, изъ которыхъ сложена была рѣшетка, связаны — и все это сложено въ арбу. Столько же времени нужно, чтобы опять поставить юрту.

Зиму киргизы рѣдко проводятъ въ юртахъ. На зиму они большею частію переселяются въ такъ называемыя „зимовки“ — избушки, сплетенныя изъ хвороста, обмазанныя глиною и покрытыя дерномъ. Каждая такая избушка имѣетъ одно или два маленькихъ окна и низенькую дверь. Внутри избушки глиняная печь и низкія, на полъ-аршина отъ пола, палаты, на которыхъ спятъ киргизы. Къ каждой избушкѣ пристроено бываетъ нѣсколько крытыхъ загоронокъ, въ которыхъ помѣщается скоть.

Какъ только весеннее солнце стонитъ съ открытыхъ мѣстъ снѣгъ и покажутся проталинки, киргизы оставляютъ свои зимовки и уходятъ въ степь, пока опять, съ наступленіемъ зимы, морозы и бураны не загонятъ ихъ въ зимовки.

Главное богатство киргизъ заключается въ скоть. Нѣкоторые киргизы считаютъ свой скоть не головами, а цѣлыми табунами и косяками. Преимущественно разводятъ овецъ, лошадей и верблюдовъ. Рогатаго скота у киргизъ сравнительно меньше. Отъ занятія

скотоводствомъ зависитъ и образъ жизни киргизъ. Съѣлъ скотъ траву въ одномъ мѣстѣ—киргизы складываютъ свои юрты и свой домашній скарбъ на арбы и перекочевываютъ на другое мѣсто. При перекочевкѣ сначала бѣгутъ лошади, за ними слѣдуютъ овцы и рогатый скотъ, а за ними уже движутся арбы, запряженные верблюдами. Мужчины скачутъ на своихъ быстрыхъ коняхъ по сторонамъ табора и пригоняютъ къ мѣсту каждую лошадь или каждую овцу, которая вздумаетъ свернуть въ сторону. Женщины и дѣти помѣщаются на арбахъ или верхомъ на лошадяхъ. Шумъ, крикъ, скрипъ немазаныхъ колесъ, бляніе овецъ, ржаніе лошадей—все это сливается въ одинъ нестройный гулъ, слышимый за нѣсколько верстъ отъ табора. Встрѣтилось на пути мѣсто, гдѣ есть вода и достаточно корма,—таборъ останавливается, женщины быстро устанавливаютъ юрты, мужчины ищутъ топлива, раскладываютъ огонь, и жизнь кочевниковъ входитъ въ обычную колею. На зиму киргизы заготавливаютъ нѣсколько стоговъ сѣна, собственно для овецъ; лошади же сами себѣ добываютъ кормъ изъ-подъ снѣга. Проѣзжая зимою по степи, можно видѣть табуны лошадей, разрывающихъ снѣгъ, чтобы достать себѣ кормъ. Занимаясь скотоводствомъ, киргизы иногда и охотятся. Впрочемъ охота не составляетъ у нихъ промысла, а скорѣе служитъ развлеченіемъ. Кромѣ обыкновенной охоты съ ружьемъ, обращаетъ на себя вниманіе охота на волковъ зимою и охота съ соколомъ лѣтомъ.

Такъ какъ главное занятіе киргизъ скотоводство, то и пища ихъ преимущественно мясная и молочная. Мясо они употребляютъ баранье, лошадиное и верблюжье, изрѣдка—мясо рогатаго скота. Самымъ вкуснымъ они считаютъ мясо молодыхъ жеребятъ; они ѣдятъ его варенымъ или копченымъ. Изъ молочной пищи киргизы употребляютъ такъ называемый „крутъ“—сырныя лепешки, и „катыкъ“—родъ простокваши. Богатые киргизы любятъ также угощаться „пилавомъ“—рисовою кашею, свареною на бараньемъ салѣ. Соли и хлѣба киргизы почти совсѣмъ не употребляютъ.

Главный напитокъ киргизъ — кумысъ. Этотъ здоровый, питательный и нѣсколько опьяняющій напитокъ, кисло-вяжущаго вкуса, готовится такъ: лошадиное молоко вливаютъ въ сабу (большой кожаный мѣшокъ) и прибавляютъ къ нему небольшое количество кислаго коровьяго молока или крута. Смѣсь эту время отъ времени сбалтываютъ деревянною колотушкою, на концѣ которой имѣется круглая дощечка съ просверленными въ ней дырочками. Черезъ два или три дня кумысъ готовъ и его начинаютъ пить, а въ сабу подливаютъ свѣжаго лошадиного молока.

Ѣдятъ киргизы, сидя на землѣ съ поджатыми ногами. Пищу ставятъ въ деревянной мискѣ на низкій столъ, вокругъ котораго помѣщается вся семья. Сначала беретъ себѣ кусокъ самый старшій, затѣмъ слѣдующій по старшинству и т. д. Если въ кругу семьи обѣдаетъ гость, то хозяинъ считаетъ своею обязанностію собственными пальцами положить ему въ ротъ кусокъ пищи. За такую любезность гость старается отплатить хозяину тѣмъ же. Ножей и вилокъ киргизы не употребляютъ. Вообще говоря, киргизы неразборчивы въ пищѣ. Кроме того, они способны терпѣливо переносить голодъ. Пробыть сутки и болѣе безъ пищи для киргиза многого не значитъ: но зато, когда онъ примется ѣсть, то ѣсть за троихъ.

Киргизы принадлежатъ къ довольно способному племени. Они обладаютъ сообразительностію. Счетъ ведутъ быстрѣе своихъ сосѣдей, сибирскихъ казаковъ. Они довольно упорно сохраняютъ свои племенные особенности; имѣя постоянно столкновения съ казаками, они мало все таки перенимаютъ отъ послѣднихъ. Казаки же, наоборотъ, не только подражаютъ киргизамъ въ одеждѣ, но даже научаются говорить на ихъ языкѣ.

Въ характерѣ киргизъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія черты: они поразительно любопытны. При первой встрѣчѣ съ киргизомъ можно подумать, что онъ нелюдимъ. Но стоитъ только заговорить съ нимъ дружелюбно, какъ онъ сейчасъ же начнетъ

разспрашивать обо всемъ, что ему придетъ въ голову. Чтобъ узнать какую нибудь новость, киргизъ готовъ проскакать нѣсколько верстъ, и, узнавъ ее, спѣшить въ свой или сосѣдній аулъ, чтобъ рассказать услышанное. Киргизы, во вторыхъ, гостепріимны. Если кто подъѣзжаетъ къ аулу, то его сейчасъ же окружаетъ толпа киргизъ и непременно кто нибудь изъ нихъ—обыкновенно кто побогаче—пригласить въ свою юрту. Когда хозяинъ узнаетъ, что гость можетъ пробыть у него нѣсколько часовъ, онъ не пожалѣетъ для угощенія заколоть барана. Киргизы, далѣе, въ высшей степени выносливы. Они легко справляются съ такою работою, какая не по силамъ ихъ сосѣдямъ—казакамъ. Нестерпимый жаръ и такой же холодъ они одинаково стойко переносятъ. Мстительность также составляетъ отличительную черту киргизъ. Пока киргизъ не отомститъ за нанесенное ему оскорбленіе, онъ не успокоится. Онъ мститъ не только самому обидчику, но и роднымъ, и друзьямъ его. Наконецъ, киргизъ нельзя назвать и трусливыми; напротивъ, при случаѣ они выказываютъ поразительную смѣлость. Но они не въ состояніи дать отпоръ сколько нибудь организованному, хотя бы и незначительному по численности войску. Если киргизы нападутъ на караванъ или на табунъ лошадей съ цѣлью грабежа и имъ не удастся овладѣть добычею съ перваго раза, они не попытаются уже напасть во второй разъ.

Киргизы, какъ кочевники, не имѣютъ, конечно, и понятія о какихъ либо городскихъ увеселеніяхъ, но у нихъ есть свои. Главное изъ нихъ—конскія скачки, называемыя „байгою“. Байга устраивается киргизами по случаю свадьбы, поминокъ и проч., а иногда и по распоряженію губернатора или уѣзднаго начальника, какъ одно изъ средствъ „приручить“ киргизъ. Въ послѣднемъ случаѣ приглашаются присутствовать на байгѣ чиновники и купцы ближайшаго города. Особенно большимъ числомъ увеселеній сопровождается киргизская свадьба. Кстати скажемъ здѣсь, что дѣвушку у киргизъ просватываютъ задолго до свадьбы. Мо-

жетъ случиться, что просватанная невѣста умретъ, или не захочетъ выйти за назначеннаго ей жениха, или родители выдадутъ ее за другого; тогда они обязаны выдать вторую свою дочь; если же таковой нѣтъ, обязаны возвратитъ калымъ и заплатитъ штрафъ. Если женихъ умретъ, или откажется отъ невѣсты, то на ней долженъ жениться второй братъ, а если нѣтъ брата, то родители невѣсты возвращаютъ калымъ.

Прѣзжая по ауламъ, можно иногда услышать бречаніе на кобызѣ (музыкальный струнный инструментъ). Музыка эта не можетъ удовлетворитъ самому нетребовательному вкусу. Она слишкомъ однообразна и дика. Можно услышать также и пѣніе киргизъ; но и оно не приведетъ въ восторгъ. Напѣвъ ихъ пѣсенъ монотонный и протяжный. Тянетъ киргизъ до тѣхъ поръ, пока голосъ не оборвется, и ему кажется, что чѣмъ дольше онъ тянетъ, тѣмъ лучше поетъ. Киргизскія пѣсни не заучиваются, а слѣдовательно, и не переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Каждый пѣвецъ самъ сочиняетъ свою пѣсню, когда поетъ. Онъ поетъ обыкновенно про то, что видитъ или чувствуетъ въ данный моментъ.

Въ давнее время киргизы обращены были въ магометанство; но съ тѣхъ поръ въ ихъ вѣрованія внесено столько языческихъ суевѣрій, что не знаешь, какъ ихъ считать — язычниками или магометанами. Они признаютъ Бога, но вѣрятъ также, что въ мирѣ есть два духа: добрый и злой (шайтанъ), что души покойниковъ сходятъ со звѣзды, что каждый день находится подъ покровительствомъ особой звѣзды, счастливой или несчастной; отчего и самые дни бываютъ благополучные или неблагополучные. Киргизы не считаютъ нужнымъ посѣщать гробницу Магомета; у нихъ свои святыни — гробницы предковъ, они приходятъ на эти могилы, приносятъ жертвы и произносятъ молитвы. Если посреди степи надъ могилою выростетъ дерево, то это признакъ, по ихъ мнѣнію, что въ этомъ мѣстѣ похороненъ святой.

Между киргизами можно встрѣтитъ иногда юродивыхъ, кото-

рыхъ они считаютъ благочестивыми, также гадателей или колдуновъ, которые предсказываютъ будущее или по обожженнымъ бараньимъ костямъ, или по блеску огня, когда горитъ баранье сало, или по звѣздамъ. Киргизы вѣрятъ даже, что эти гадатели или колдуны могутъ не только предсказывать будущее, но вліять на погоду, производя, по своему желанію, или ведро, или ненастье. Колдуны иногда принимаются за леченіе больныхъ. Способъ леченія у нихъ оригиналенъ. Колдунъ садится противъ больного и начинаетъ играть на кобызѣ, кричать дикимъ голосомъ, произносить безсмысленныя рѣчи; потомъ хватаетъ плеть и начинаетъ бить больного, затѣмъ плюетъ ему въ глаза.

Когда умретъ глава семейства, дѣти и родственники ставятъ отдѣльную юрту, куда кладутъ покойника, предварительно обмывъ и обвернувъ его въ бѣлую матерію. О смерти даютъ знать черезъ гонцовъ всему аулу и даже въ сосѣдніе аулы. Каждый считаетъ своею обязанностію навѣстить покойника. Вошедши въ юрту, гдѣ лежитъ покойникъ, онъ прочитываетъ установленную молитву и затѣмъ отходить въ сторону. Жены покойника, а также близкія его родственницы помѣщаются въ особой юртѣ и во всю мочь голосятъ и причитываютъ. Въ знакъ особенно глубокой печали вдовы царапаютъ себѣ до крови лицо и руки. Когда все готово къ погребенію, мужчины завертываютъ трупъ въ кошму и въ сопровожденіи муллы несутъ его къ могилѣ, которая роется, большею частію, возлѣ дороги или рѣки, чтобы удобнѣе можно было посѣщать ее. Въ могилу помѣщаютъ покойника въ сидячемъ положеніи, ставятъ возлѣ него корзину съ съѣстнымъ, закладываютъ могилу прутьями или досками и заваливаютъ ее землею. Когда могилу засыплютъ, присутствующіе садятся вокругъ нея и прочитываютъ молитву, послѣ чего каждый изъ нихъ получаетъ на память объ умершемъ часть матеріи. Затѣмъ всѣ еозвращаются въ аулъ, гдѣ происходитъ угощеніе; но въ немъ не принимаютъ участія вдовы покойника. Въ знакъ печали они, въ первые дни послѣ

смерти мужа, не должны даже ѣсть днемъ, а только ночью. На третій, седьмой и сороковой день бываютъ поминки по покойникѣ. Но главныя поминки справляютъ въ годовщину смерти и онѣ длятся иногда до семи дней, причемъ устраивается байга и закалывается огромное число барановъ и лошадей для угощенія собравшихся на поминки гостей. Проѣзжая по сибирской степи, можно встрѣтить небольшія каменные призмы, а иногда и довольно большіе квадратные склепы съ остриемъ наверху. Это — памятники богатыхъ киргизъ.

